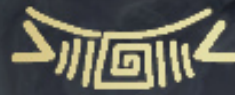

Петр Романов

СТО

TAKOE

ПЕРУ

Заграница без вранья

Петр Романов

Что такое Перу

«РИПОЛ Классик»

2019

УДК 910.4
ББК 26.89

Романов П. В.

Что такое Перу / П. В. Романов — «РИПОЛ Классик»,
2019 — (Заграница без вранья)

ISBN 978-5-386-12404-5

Древняя земля Перу хранит множество удивительных тайн, не разгаданных и по сей день. Развалины городов напоминают о былом величии империи инков и о трагической истории ее завоевания испанцами. Знаменитые камни Ики с парадоксальными рисунками и исчерченная непонятными линиями пустыня Наска породили самые безумные предположения. Около старинной Тропы инков до сих пор обитают дикие индейские племена, а в притоках Амазонки и окаймляющих ее джунглях водятся опасные твари. Вместе с писателем и публицистом Петром Романовым, много лет прожившим в Перу, и его друзьями, индейцем Бобом и терьером Джерри, читатель совершит путешествие по побережью Тихого океана, поднимется к вершинам Анд и заглянет в амазонскую сельву.

УДК 910.4
ББК 26.89

ISBN 978-5-386-12404-5

© Романов П. В., 2019
© РИПОЛ Классик, 2019

Содержание

От автора	5
Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Петр Романов

Что такое Перу

От императора и короля дона Карлоса и доньи Хуаны, его матери, королей Кастилии, Леона, Арагона и т. д., и т. д., укротителей варварских народов.

С тех пор как был сотворен мир, люди разделились. Один из понтификов передал в дар острова и материк моря Океана королю и королеве. Мы требуем, чтобы вы признали Церковь настоятельницей всеобщего мира, а наших владык – как королей этих островов и материка. А если того не сделаете, убийства, каковые воспоследуют, будут вменены в вину вам, а не их величествам.

Дону Франсиско Писарро для передачи индейцам Перу.

Отправлено 8 марта 1533 года

От автора

Видимо, «их величества» пупом земли считали себя. По недоразумению и средневековой ограниченности.

Где этот пуп на самом деле, не знает никто, но убежден, что уж точно не в Мадриде, не в Лондоне с его ухоженными газонами и не под небоскребами Нью-Йорка. Вообще на истоптанных человеком площадях его искать, как мне кажется, бессмысленно. Полагаю, он где-то там, где природа еще жива и изначально непорочна. Причем чем ближе человек к этой точке подходит, тем острее ощущает силу ее притяжения и собственную слабость. Это особое, непривычное для цивилизованного человека чувство, да и, надо сразу же признать, на любителя. Перу – как раз из таких мест. На любителя.

Иначе говоря, если вы цените комфорт и покой, то вам, конечно, в Лондон. А если вас неудержимо тянет окунуть руку в протоку, полную пираний, если вас влечет к тайнам древних,

если вы хотите пройти над пропастью, наблюдая в нескольких метрах от себя парящего кондора, – то тогда в Перу.

Когда живешь в стране восемь лет подряд, а потом периодически ее посещаешь, чтобы встретиться со старыми знакомыми, эта земля становится частью твоей плоти. Ее традиции, верования, характер, достоинства и недостатки становятся твоими. И ты не можешь эту как-то незаметно возникшую связь порвать. Там трясет – тебе больно и в Москве, а потому ты бросаешься к телефону, чтобы звонить друзьям, все ли живы. Там выборы, а ты досадуешь: опять проголосовали не за того. И уж тем более это место не отпускает, потому что редко где встретишь такое количество загадок, а каждый нормальный человек от природы любопытен.

Так и живешь на два дома. Наверное, уже до конца жизни.

Это в Перу родилась одна из самых интересных и до конца еще не понятых историками цивилизаций – инков. Это здесь, врубаясь в сельву мечами и мачете, бездорожьем и безденежьем упорно шли к своему Эльдorado жестокие, но мужественные конкистадоры.

Это на перуанских песках начертаны бог знает когда и кем загадочные линии Наски – тайна, о которую сломало зубы немалое число археологов и астрономов. А обыватель до сих пор убежден, что как раз на этом «аэродроме» и приземлялись инопланетяне.

Это в Перу, по дороге из бывшей столицы империи инков Куско в седой Мачу-Пикчу – одно из чудес света, – в узкой долине между горными склонами Анд выращивают самую вкусную в мире кукурузу. Если бы Никита Сергеевич Хрущев увидел размер этих початков, то, подозреваю, сошел бы с ума от горя: зачем он ездил за кукурузным секретом в США, когда должен был, ради спасения СССР, подружиться с простым перуанским крестьянином.

Недаром кукурузу так часто можно увидеть в орнаменте красочных изображений божеств, до сих пор почитаемых местными индейцами. Такая уж это страна, где исповедь католическому падре и визит к шаману гармонично уживаются в человеческой душе, не вызывая ни малейшего противоречия.

Римский понтифик и «их величества» сумели покорить индейцев мечом и крестом лишь отчасти. Такой необычный религиозный симбиоз в человеческой душе, как в Перу, редко где встретишь.

Это в местной непроходимой сельве водятся столь любимые Голливудом анаконды и прочие жуткие твари. Но на той же земле обитает и трепетный куй – морская свинка, которую местные индейцы уже многие века используют вместо рентгеновского аппарата. Шаман подносит кую к телу пациента, а потом, когда несчастного зверька забивают, оказывается, что у него воспален именно тот орган, который поражен у больного человека.

Скажите, байки? Да нет. Разговаривал с известными перуанскими врачами, современными скептиками-алло-патами: все подтверждают сам факт этого феномена, вот только никто не может объяснить его природу.

Именно там, в джунглях Амазонки, шаманы и монахи собирают лианы, называемые кошачьим когтем, кора которых помогает даже больным раком. И это не сказки. Просто то, что продается под этим названием в аптеках всего мира, уже многократно разбавлено всяческой дребеденью, а потому и помогает соответственно. Ну что же, когда-то похожая история произошла и с хинным деревом, которое везли в средневековую Европу из Нового Света. В той смеси, что доходила до пациента, хинина было куда меньше, чем обычной дубовой коры. А вот если вам повезет найти спасительный кошачий коготь в нужном месте, да еще в нужное время, то не пожалеете. Знаю точно. Сам пробовал.

Вот и выходит, что чем ближе к дикой природе, к тому самому пупу земли, тем больше чудес, еще не затоптанных, к счастью, безжалостным железным башмаком Писарро и его конкистадоров.

Поэтому и предлагаю пройтись в компании с моими друзьями, индейцем Бобом и рыжим терьером Джерри, горной Тропой инков, заглянуть на Амазонку и вместе покопаться в перуанской песочнице, что тянется вдоль всего здешнего побережья Тихого океана.

Мало ли на что еще наткнемся.

Часть первая

Перуанской песочницей вдоль Тихого океана

1

Роберто, или Большого Боба, с иронией прозванного так еще в детстве за малый даже для перуанца рост, знаю хорошо, он не раз выручал меня из самых разных передряг.

Этот невысокий, никогда не унывающий человек, чистокровный индеец с железной мускулатурой, всю жизнь проработал инструктором по альпинизму. А в годы большого террора, когда в стране свирепствовали сразу две левачьих экстремистские организации, а потому туризм постепенно иссяк, пристроился в качестве шерпы и одновременно охранника к иностранным журналистам, которые все равно на свой страх и риск колесили по стране, несмотря на все строжайшие запреты запуганных посольств.

Подрабатывал Боб и на раскопках, причем как легальных, так и нелегальных, так что был на короткой ноге и с местными археологами, и с черными копателями, что промышляют на древних гробницах при свете луны. У него всегда при желании можно было раздобыть уакос – старинный глиняный сосуд для воды. Или даже серебряный, а то и золотой (если кому-то по карману) тумик – хирургический инструмент инков, которым они делали трепанацию черепа. В музеях можно увидеть перуанские мумии с золотыми пластинами на голове: древние лекари отлично знали, чем лучше всего защитить травмированное место.

Конечно, иностранцы, которые скупали у Боба все эти редкости и вывозили их к себе домой, занимались контрабандой, но Роберто это не смущало – шла война, и он, как и все вокруг, выживал как мог. Где-то в горах у него была жена и двое детей, правда, я их так и не увидел. Говорить о родне, если не считать своего старшего брата Мануэля, с которым мы были хорошо знакомы, индеец не любил, а вот кормить семью считал своим долгом.

Чему-то Боба наверняка научила жизнь, но вообще-то ему всегда чертовски везло. Если говорить о полиции и военных, то у него на них был особый нюх, он как никто умел объезжать все блокпосты, хотя на горной дороге это получается далеко не всегда. С ночным бандитским отребьем Боб и вовсе говорил почти как свой – все-таки сам из черных копателей, так что грабителей, если индеец стоял рядом с вами, можно было не опасаться. Криминальный мир он знал, конечно, не весь, но в качестве нужного пароля хватало и нескольких ключевых имен. Среди журналистов поговаривали даже о том, что у него во время войны существовал своеобразный пакт о ненападении с самыми жестокими террористами из маоистской организации «Sendero Luminoso» («Светлый путь»). Поскольку Боб лазил по самым потаенным местам страны, то натывался на их лагеря постоянно, однако в полицию не спешил, что сендеристы оценили по достоинству. Впрочем, это только слухи.

Так или иначе, Боб знал, как избегать неприятностей, а это для его клиентов являлось главным. Наконец, на крайний случай, у него в кармане всегда лежала официально зарегистрированная – с оружием он не шутил – подержанная итальянская беретта. Не говоря уже о кулаках, которые он, несмотря на свое сложение боксера в весе пера, весьма умело при необходимости пускал в дело. Короче, опыт Роберто и его умение выкручиваться из сложных ситуаций в нашей Ассоциации иностранных журналистов ценили высоко.

Не раз ездил с Бобом и я. Конечно, и у него имелись недостатки. Например, почти всегда угрюмое выражение лица, которое, впрочем, совершенно не отражало состояния его души. Это была своего рода маска, что приклеилась к лицу местного индейца за века совсем не простой

жизни. Зато уж если Боб улыбался!.. А это случалось, когда от скуки в дороге он изредка вдруг начинал рассуждать вообще, а не о конкретных, практических вещах.

Пускаясь в рассуждения о жизни, мироздании или, не дай бог, политике, он становился забавен. И даже наивен, потому что, кроме своей страны и приграничных территорий соседних Эквадора и Чили, ничего в жизни не видел. А книжки читал только в мягкой обложке, чтобы легче было засунуть в карман. Да и вкус у этого «железного человека» своеобразием не отличался – дешевые приключенческие романы и детективы, которые в изобилии продаются в каждом местном газетном киоске.

Второй недостаток был серьезнее, однако он свойствен Бобу ровно в той же степени, что и всем остальным перуанцам. Роберто презирал эквадорцев и ненавидел чилийцев. Но это уже говорила кровь. Перу неоднократно воевала и с теми и с другими, вот только если Эквадор перуанцы каждый раз били, то от чилийцев им, наоборот, обычно крепко доставалось. Отсюда и отношение: побежденным – снисходительное презрение и обидное прозвище «монос» (обезьяны), а победителям – ненависть и где-то глубоко в душе неутоленная жажда реванша.

Все эти недостатки нашего шерпы с лихвой компенсировались его надежностью. Этому парню все в ассоциации доверяли, как страховочному альпинистскому тросу, а это совсем не плохая характеристика.

Позже, когда с терроризмом в Перу покончили, я все равно предпочитал ездить по стране в его компании. Да и брал он за свою помощь недорого. А еще позже Боб начал ездить со мной вообще просто так, как он говорил, «по дружбе», соглашаясь лишь с тем, чтобы я платил за еду. Уж не знаю, чем я заслужил такую честь, но мне это льстило.

Чаще всего мы плутали там, где гостиниц просто нет. Ночевки под открытым небом нравились и мне, и Бобу, и моему псу – чистопородному англичанину, рыжему норвич-терьеру Джерри, который неизменно сопровождал нас во всех путешествиях. В дороге его кудлатая рыжая морда постоянно торчала между моей старой шляпой и бейсболкой Роберто, поэтому, когда приходилось резко тормозить, пес неизменно вылетал к ветровому стеклу. Нельзя сказать, что это делало нашу поездку безопаснее, особенно по горным дорогам. Да и моя шляпа испытывала изрядные неудобства: придя в себя после очередного кульбита и возмущенно фыркая, Джерри в отместку непременно старался перелезть на свое заднее сиденье через мою голову.

Впрочем, выбирая себе компаньона, я заранее знал, что представители этой породы всегда считают себя в семье самыми главными и не терпят ущемления собственного достоинства. И это при его-то крошечном росте. Среди обычных собак Джерри выглядел примерно так же, как Большой Боб смотрелся бы среди чернокожих парней из американской баскетбольной сборной «Dream Team».

Мою привязанность к псу Боб не одобрял. Наша походная старая «тойота», купленная по дешевке в складчину и при условии, что, когда я уеду, она останется Роберто, ему нравилась. Старушка, особенно в горах, честно трудилась на износ, а вот Джерри, как считал Роберто, откровенно бездельничал, не желая даже охранять нас на ночевках. Едва мы укладывались спать, как терьер тут же засыпал как убитый, уткнувшись мокрым носом мне в ухо. Понятное дело. Во-первых, он не сторож. А во-вторых, днем хотел не отсыпаться, а глядеть по сторонам, как и мы с Бобом: мир интересен.

Боб был не прав. Пока мы бывали дома, Джерри отрабатывал свой хлеб с лихвой. Если кто не знает, норвич-терьера выводили специально для охоты на крыс, а этой нечисти в Лиме хватает. Вот и теперь, когда я решил съездить в Перу последний раз, чтобы попрощаться со страной и Бобом уже окончательно, Джерри спасал не только наш арендованный на два месяца старый дом, но и всю улицу.

На его боевом счету числились сотни боевых трофеев. Когда я работал в Лиме постоянно, терьер был еще малышом и с гордостью приносил мне каждое утро свою добычу. Иногда я

просыпался, а рядом со мной на подушке аккуратным рядком лежало несколько свежих тушек крыс – ночной улов Джерри, сам же пес гордо сидел рядом и терпеливо ждал от меня похвалы. Приходилось хвалить, не мог же я отбить у малыша положенный ему по природе инстинкт «чистильщика». В конце концов у рыжего терьера выработались настоящий бойцовский характер и удивительная предприимчивость – он знал, кажется, каждую крысиную нору в округе.

Индеец всех этих подвигов Джерри не ценил абсолютно, потому что жизнь приучила его относиться к крысам как к части пейзажа. Если крыса ему чересчур досаждала, он ее пристреливал, но часто на привале спокойно жевал свой бутерброд, философски взирая на крысиный выводок, что крутился где-нибудь неподалеку.

Здесь мои симпатии были полностью на стороне рыжего английского джентльмена. Я, как и Джерри, всегда предпочитал мертвую крысу живой.

Джерри нелюбовь к себе Боба чувствовал прекрасно и отвечал ему тем же. На что-то кардинальное умный терьер никогда не решался, зная про беретту в кармане Боба, зато не скупился на мелкие пакости. То зароет в песок бейсболку Боба, если он по неосторожности на минуту оставит ее без присмотра, то спрячет в кустах его любимые шерстяные носки, связанные когда-то его покойной тетей, а потом уже штопанные-перештопанные самим индейцем. В этих случаях, проклиная наглых британских кобелей, а вдобавок почему-то еще и английскую королеву, хотя почтенная леди к его носкам уж точно не имела никакого отношения, Бобу приходилось прибегать к навыкам своих предков и по собачьим следам отыскивать пропажу.

Обычно носки (причем без единой новой дырки – сгрызть их Джерри не решался) обнаруживались где-нибудь у самых дальних кустов. Все это время пес сидел на какой-нибудь кочке, с удовольствием наблюдая, как два человека – я, разумеется, из чувства солидарности Бобу всегда помогал – рыщут по земле в поисках собачьих следов. Кстати, следы Джерри, при его весе в пять кг (если это, конечно, не песок), были едва заметны, так что искать носки приходилось иногда долго.

Короче, отношения у Боба и Джерри с самого начала не заладились, так что, если бы не мое присутствие, не представляю, до чего все дошло бы, учитывая острые зубы Джерри и беретту Боба.

Перед сном Роберто обычно молча, но укоризненно глядел на нас с Джерри, безмятежно лежащих голова к голове, явно возмущаясь собачьей фамильярностью и моей слабохарактерностью.

Его не убеждало даже то, что каждый вечер я устраивал Джерри в тазу обязательную головомойку на ночь и даже как мог чистил ему зубы. Все-таки пускать крысолова к себе в постель без этой процедуры было небезопасно. Хотя в принципе я изрядный фаталист, а потому искренне считаю, что любому человеку, путешествующему по Перу, помимо ряда прививок, необходимо еще везение и хороший иммунитет.

Все равно, несмотря на все тщательные гигиенические процедуры, индеец демонстративно отодвигался от нашей сладкой парочки и еще долго, спрятавшись с головой под свое любимое черное пончо, что-то гневно бормотал на кечуа, чтобы я его не понял.

Последним из нас троих, как правило, засыпал я. Огромное звездное небо меня всегда будоражило. Тем более, и небо-то было непривычное. Над головой вместо домашних Медведиц и Полярной звезды блистал, словно алмазами, Южный Крест.

Обычно работа начиналась задолго до поездки. Вооружившись дорожными картами и пивом, мы с Бобом, до хрипоты споря, вырабатывали маршрут. Он по привычке предпочитал маршрут надежнее, а я интереснее. Обычно получалось нечто среднее. Впрочем, бывали, конечно, случаи, когда и спорить было не о чем, поскольку или дороги на карте вовсе отсутствовали, или картографы обозначили лишь одну.

Таких мест в Перу немало. В перуанской Амазонии (Сельва) дорог вообще практически нет. Перебраться от побережья – по-испански Коста – к горным хребтам Анд (Сьерра)

на машине можно лишь в нескольких местах: лучше всего по Центральному шоссе, которое доведет вас до Куско, Пуно и озера Титикака. А для того, чтобы проехать страну вдоль Тихого океана, существует лишь один путь – 2500-километровый отрезок Панамериканского шоссе, которое пересекает всю Южную Америку.

По дороге с севера на юг страны, от границы с Эквадором до чилийской границы, встречается немало грунтовок, и мы их, разумеется, не оставляли без внимания, поскольку именно самые неудобные дороги, по нашему опыту, и ведут в самые любопытные места, но все-таки это лишь небольшие ответвления от Панамериканы. Так что, если вы пересекаете перуанскую песочницу, на которую и накатывает свои огромные волны океан, в припадке эйфории названный конкистадорами почему-то Тихим, Панамериканская трасса – единственная хорошая дорога.

Почему песочница? Да потому что песочница. Вся прибрежная часть Перу – это сплошная песчаная равнина, местами переходящая в барханы или что-то вроде песчаных сопков, иногда красочно-разноцветных на срезе, когда дорога не петляет, а пробита прямо сквозь их толщу, но в целом пейзаж довольно однообразный и красив лишь с одной стороны – разумеется, со стороны океана. А так от одного населенного пункта до другого ни единого кустика или чахлой пальмы.

Так было не всегда. Причуды климата, поражающие воображение и сегодня, для нашей планеты очень старая и весьма трагическая песня. Вот и на перуанском побережье, где когда-то возникла не одна великая цивилизация, когда-то вместо песка были плодородные земли, дававшие местным жителям совсем неплохой урожай. Здесь в ту пору выпадали и дожди, но еще больше влаги давали многочисленные стекавшие с гор реки. Но все это было давно. Очень давно.

Сегодня же на юге страны песочница вообще переходит в пустыню Атакама, правда уже на чилийской территории. Раньше тамошние власти очень любили отправлять туда политических заключенных. Для концлагеря место просто идеальное – оттуда не убежишь, даже колючая проволока не нужна. Немыслимая жара и пустыня охраняют лучше любого автоматчика.

А на севере перуанская песочница не доходит до эквадорской границы километров двадцать-тридцать, здесь на смену ей приходят пальмы, тень и сладчайший ананас. Впечатление такое, что после изнурительного пути по дорогам ада ты добрался наконец до преддверия Эдема. Жара все та же, но... тень, благословенная тень. И зелень. И чего Боб так невзлюбил Эквадор?

Тем не менее в то первое путешествие мы выбрали не сказочной красоты горы, не зеленую Амазонку, а именно песочницу.

Перу – это три разные страны. Мы начали с той, что ближе к Лиме – отправной точке практически каждого путешествия по перуанской земле.

3

У каждого из нашей троицы имелись свои резоны в пользу песочницы. Я хотел вновь увидеть раскопки, где когда-то ковырялся и сам, – именно там, в Сипане, были обнаружены нетронутыми захоронения неизвестного господина, в щедро украшенном золотом облачении. Случай столь же редкий, как и в Египте. Обычно черные копатели и там и тут всегда опережают археологов. Впрочем, на Сипане я особенно не настаивал, поскольку интересных мест на выбор хватало.

Больше всего мне хотелось на юг, в город Ика, чтобы вновь попытаться увидеть коллекцию местных камней с загадочными рисунками, о которой ходят очень противоречивые слухи. Кто-то называет это самым главным чудом земли, кто-то подделкой. Когда-то я уже ездил в те места специально для того, чтобы увидеть хоть один из камней, но потерпел фиаско. Мой

официальный путь через археологов завел тогда в тупик. Надо мной посмеялись, но ни один камень тем не менее не показали. Такое упорство настораживало. Спрашивается, если подделка, с чего бы ее не показать любопытному человеку? В то время Боба я еще не знал, нужных связей не имел, так что проехался до Ики впустую.

На этот раз я больше полагался на Боба и его контакты с местными уакерос – нелегальными охотниками за перуанскими древностями. Да и у меня уже появились нужные знакомства. Боб был заинтригован не меньше. При всем его богатом опыте общения с археологами и черными копателями он ни разу не держал в руках ни одного знаменитого камня из Ики.

Наконец, были и желания иного рода. Мне, например, очень хотелось перебороть Боба, который не боялся, кажется, ничего, кроме самолетов, и заставить его увидеть линии Наски с борта авианетки. Смешно же, ей-богу, всю жизнь прожить в Перу и ни разу не взглянуть на это чудо с высоты птичьего полета, откуда только и можно рассмотреть эти линии и рисунки. Боб не говорил ни да ни нет, но нетрудно было заметить, что самолюбие крутого парня серьезно задето, а это уже давало неплохой шанс на успех.

Планировал я заскочить и на то место, откуда еще в 1947 году от перуанского берега отплыл на своем знаменитом «Кон-Тики» норвежец Тур Хейердал, пытавшийся доказать, что именно инки совершили когда-то рискованное морское путешествие и заселили острова Полинезии. Боб, правда, к гипотезе великого норвежца относился с немалой иронией: «Делать моим предкам было нечего, как плыть на соломенном корыте через океан черт знает куда и зачем. Места им, что ли, не хватало?» Но, главное, согласился на часок сделать ради меня остановку.

Впрочем, с его стороны это была небольшая уступка. Надо было лишь свернуть с Пан-американы в нужном месте и немного подождать в машине, если уж лень из нее выйти, пока белый человек, то есть я, вглядываясь в океанский закат, немного поностальгирует. Когда-то мне удалось взять у Тура Хейердала большое интервью. Несмотря на массу своих малоправдоподобных исторических версий, этот человек вызывал у меня уважение.

Было в нем что-то чистое – от подлинной одержимости настоящего первооткрывателя. Выслушав мои доводы, Боб пожал плечами, снисходительно фыркнул, ясно дав понять, что я инфантилен, как подросток!

Это было несправедливо! Ей-богу, я в обмен соглашался на куда большее. Видимо, в припадке безумия я обещал Бобу нелегально (!) вместе с ним пересечь границу с Эквадором. Причем ради чего? Ради гордости, чести и славы перуанской кулинарии!

Объясняю. Латинская Америка – место особое, здесь когда-то даже вспыхнула настоящая война из-за футбола, поэтому и к кулинарной теме рекомендуется относиться очень серьезно. Тем более когда спор многовековой и касается самого знаменитого блюда перуанской и эквадорской кухни – *cebiche* (себиче).

Готовится себиче в двух соседних странах совершенно по-разному. Отсюда и важнейшие для чести двух наций вопросы: чье блюдо настоящее, то есть где родилось раньше, а главное, чье вкуснее? Эти вопросы уже давно перестали быть исключительно кулинарными, а перешли в разряд политических. Как-никак затронута национальная гордость двух народов.

А где заговорили о патриотизме, там не до шуток.

4

Климат перуанского побережья необычен, потому что сюда подходит холодное течение, которое одарило страну пингином Гумбольдта и промозглой зимой.

Как подсказывает жизненный опыт, любое явление, как правило, это палка о двух концах. Знаете, когда в Лиме в конце здешнего лета вы ставите в шкаф начищенные до блеска черные ботинки, а весной вытаскиваете их из шкафа и они оказываются зелеными, потому что все покрыты плесенью, особой радости это не доставляет. Если у вас воображение не очень

хорошо развито, то все огорчение ограничивается обувью и подпорченной одеждой, а вот если воображение работает хорошо, то вы живо себе представляете, как та же самая плесень порезвилась за прошедшие три месяца внутри вашего организма.

С другой стороны, если вы живете на перуанском побережье, вам практически не нужен зонт: весь год животворный дождь выпадает только в горах и дальше, в сельве. Едешь на машине по Лиме зимой – включай дворники, потому что на ветровом стекле обильно оседает влага, а вот асфальт совершенно сухой. Эта влага висит в воздухе, но не опускается на землю. Но главное преимущество для перуанцев то, что холодное течение создает благоприятную среду для планктона, благодаря чему прибрежные воды чрезвычайно богаты рыбой. Впрочем, о причинах местного климата мы обязательно поговорим позже.

Вот и себиче готовится в Перу из сырой свежей рыбы, которую минут сорок-пятьдесят держат в обильном лимонном соке с острейшим местным перцем рокото, и по внешнему виду, и по размеру похожим на помидор. Если разрезать пополам, то по структуре тот же помидор. Что приводит иногда к неприятным последствиям. Сам видел иностранца-аллергика, который у меня в гостях, бодро выпив русской водки, закусил этим фальшивым помидором, а затем часа четыре отмачивал свою отвисшую губу в бокале с пивом.

К рыбе, лимонному соку и рокото требуется еще щепотка соли и много лука. В результате получается взрывоопасная смесь, которую можно есть, только запивая все это изрядным количеством пива и приглушая вкус перца местной сладкой картошкой – камоте, которая обязательно добавляется к блюду. Ну и кукурузой, лучше вареной, но иногда и сушеной с солью.

Любители особо острых ощущений требуют у повара еще стаканчик *leche de drago* («драконьего молока») – это та жидкость, в которой настаивается рыба. Когда я выпил это «молочко» в первый раз, то решил, что мне подсунули стоградусный спирт, хотя оказалось, что это сто-процентный перец.

Есть и еще одна разновидность перуанского себиче – себиче микста (*mixta*), где способ приготовления все тот же, только к рыбе добавляются другие морепродукты (также непременно сырые): креветки, осьминог, кальмар, мидии и т. д. – то есть все, чем сегодня порадовал рыбаков Нептун. А Нептун бывает, на мой взгляд, иногда слишком щедр, так что я предпочитаю простое себиче из рыбы.

Обычно это *lingvado*, *corvina*, *tollo* или *mero*. Название рыб не перевожу, потому что под этими же именами в других латиноамериканских странах вы можете встретить нечто совсем другое. Лично я предпочитал себиче из *lingvado*, которое в Перу больше всего напоминает известную всем камбалу.

Кстати уж замечу, что в разных странах Латинской Америки одно и то же слово может означать или сладчайший фрукт, или абсолютно неприличное ругательство. И, между прочим, латиноамериканизмы, собранные филологами, насчитывают немалое количество томов.

Немного отвлекусь от Перу и расскажу реальный факт из своей журналистской практики, когда по какому-то делу меня послали в Колумбию. Спустившись утром после приезда к портье в гостинице, я попросил его заказать «мото» – так перуанцы обычно называют такси. Каково же было мое изумление, когда и сам портье, и все, кто находился в холле, дружно захохотали. Как выяснилось, в Колумбии выражение «заказать мото» означает только одно – «заказать киллера». На горных улицах Боготы, где постоянные пробки, наемный убийца обычно подкапывается к машине, где сидит жертва, на мотоцикле, делает свое черное дело, а потом спокойно удирает, лавируя среди машин. Иначе говоря, чтобы не попасть в глупую ситуацию, местные языковые особенности знать тоже небесполезно.

Эквадорское себиче по сравнению с перуанским напоминает питание для младенцев, поскольку готовится из вареной рыбы. Да к тому же с чем только это блюдо не подают, я пробовал даже с ананасами и вареньем. Ну, в общем-то, как и везде: кому поп, кому попадья, а кому попова дочка.

Авантюрная идея махнуть через эквадорскую границу родилась из пустяка. Как назло, я имел неосторожность передать Бобу слова своего приятеля-журналиста, работавшего в Эквадоре (он залетел на пару дней ко мне в Лиму), о том, какое это чудо, эквадорское себиче. Перуанский вариант мой приятель отверг как нечто почти каннибальское – рыба же сырая (!), и все время, пока я с наслаждением уплетал перуанское себиче, глядел на меня с нескрываемым ужасом, а в конце концов заметил, что эта страна действует на меня дурно. В себя он пришел лишь в кафе-мороженом, где наконец получил в изобилии то, к чему привык в Эквадоре: мороженое с шоколадом, бананами, ананасами, киви и прочими фруктами.

За это теперь и приходилось расплачиваться. Боб соглашался на поездку лишь при одном условии: он меня переводит через эквадорскую границу (о визах индеец даже слушать не пожелал) и ведет в ближайшую местную себичерию. Это, понятно, забегаловка, где готовят себиче. Там я эту «обезьянью мерзость» (слова Боба) пробую и убеждаюсь в том, что все эквадорцы «педики». Прошу прощения, но это опять не мои слова.

После этого Боб обещал вернуть меня на перуанскую землю и доставить в Лиму, причем напрямую в турецкую баню, где мы сначала смоем с себя даже запах Эквадора, а затем там же насладимся настоящим и лучшим себиче, которое только делают в Перу. Во всяком случае, именно таков был план Боба. В духе командос.

Нельзя сказать, что к нелегальному переходу границы я отнесся с энтузиазмом, хотя и верил в уникальные способности Боба.

– Не волнуйся, – заверил он меня, – риска ни малейшего. Машину и пса мы оставим на охраняемой стоянке, а дальше проще простого. И перуанским, и эквадорским пограничникам на все глубоко наплевать. Если хочешь пощекотать себе нервы, можешь перейти границу в пяти метрах от них. Все равно ты этих соней не разбудишь. Они возбуждаются, лишь когда завоет сирена и объявят войну. Но из-за того, что мы зайдем в местную себичерию, уверяю тебя, война не начнется.

Тем не менее от самого экстремального варианта – пройти под носом у эквадорских пограничников – я все же отказался, заявив, что у меня с детства идиосинкразия к людям в погонах, поэтому я предпочел бы перейти границу хотя бы за километр от погранпоста.

– Как хочешь, – равнодушно согласился Боб, – но в пяти метрах гораздо удобнее, там все-таки асфальт, а так придется перелезть через грязную канаву. Можешь мне поверить.

Наконец, был свой интерес в этой поездке (не в Эквадор, а вообще по песочнице) и у Джерри. В прошлый раз, когда я самозабвенно предавался раскопкам, а он был предоставлен сам себе, терьер нашел очень милую местную дворняжку. Это у нас с перуанскими голыми собачками с хохолком носятся рафинированные дамы из светского общества, а в Перу это обычная дворняга. Вот такую совершенно голую даму с хохолком и приглядел себе терьер.

По моим расчетам, он уже должен был стать не только отцом, но, возможно, даже дедом.

Забавно, но как раз в этом пункте программы у всех троих интересы полностью совпадали: мы просто сторали от любопытства посмотреть на потомство джентльмена. Когда в нашей беседе с Бобом замелькало слово «раскопки», сидевший до того совершенно равнодушно Джерри внезапно наклонил голову, внимательно прислушиваясь к нашим словам, а затем радостно тявкнул.

Шансы на то, что мы увидим, что же получается в результате скрещивания лохматого рыжего англичанина с абсолютно голой перуанской кокеткой, были реальными. Сами судите: крохотный поселок, вокруг один песок, куда потомкам английского джентльмена деться?

Тем более огненно-рыжего.

5

По настоятельной просьбе Боба, выехав рано утром из Лимы, мы повернули к эквадорской границе. Все-таки ущемленная национальная гордость – огромная сила. Нам с Джерри было в принципе все равно, север или юг, в любом случае Панамерикану мы договорились проехать от границы до границы.

Вид за окном не впечатлял: грязноватый серый песок, иссушенные зноем стволы мертвых деревьев и изредка за поворотом сине-зеленое царство Тихого океана. А вдалеке от берега высились исполинские черные скалы – неприступные островки посреди воды. Но даже издали было видно, как неумоимо бьются могучие волны, поднимая на многие метры вверх тонны океанской воды, которые затем бриллиантовыми каскадами обрушивались вниз. А наверху каждого из этих скалистых островов – вечное смятение: неугомонные тучи чаек и стаи гордых пеликанов.

Столько воды, а на берегу, на много километров вглубь материка простирается одна сушь, причем мертвая сушь. Все русла мелких речушек, что мы пересекали, высохли, кажется, сразу же после Всемирного потопа. Температура в январе достигает в этих местах 40 градусов. Без кондиционера в машине мозги у нормального человека постепенно плавятся. К тому же от сна на однообразной дороге, где из-за жары местами на трассе возникают миражи луж, спасает лишь радио да Джерри – ради развлечения он покусывает меня за ухо. Верный признак, что дорога ему не нравится – смотреть не на что.

Изредка за окном мелькает сараюшка с рекламой кока-колы. Удивительно, но в каждой из этих лачуг, где нет электричества, а следовательно, и холодильника, всегда можно купить холодные напитки. Секрет прост: вдоль дороги все время курсируют грузовики со льдом.

Такая дорога расслабляет. Между тем это опасно: по Панамерикане навстречу тебе несутся громадные трейлеры – именно эта трасса и есть главная артерия, снабжающая всем необходимым перуанскую столицу. В основном все эти трейлеры принадлежат частникам, поэтому каждый из автомобилей расписан сверху донизу согласно вкусу владельца впечатляющими рисунками драконов или сплетенных анаконд с жутким оскалом. Грудастые Белоснежки с похотливыми гномами (их тоже хватает) на этом фоне смотрятся вполне невинно.

Забавляет и обилие обращенных к тебе, встречному водителю, разнообразных приветствий, которые также очень любят дальнобойщики, типа «Убью, но только один раз». Действительно бодрит на такой скучной трассе. Впрочем, это не местный, а особый юмор дальнобойщиков в Новом Свете. Такое можно встретить на разных дорогах Америки.

Ночью встречные трейлеры вообще непередаваемое зрелище, поскольку многотонное чудовище облеплено немыслимым количеством разноцветных лампочек. С одной стороны, это по-детски радует сердце владельца, он словно мчится, как Санта-Клаус, сидя верхом на огромной рождественской елке, а с другой стороны, опять-таки будит задремавшего водителя, случайно выскочившего на встречную полосу. Тем не менее, судя по многочисленным крестам, что стоят в основном на поворотах, будит веселая елка, увы, далеко не всех.

Вернемся, однако, к песочнице. Убогой она кажется лишь человеку несведущему. На самом деле незаметно для себя он пересекает одну древнейшую цивилизацию за другой. Это как в Египте. Помните, красноречивый Наполеон вдохновлял своих солдат, приунывших в пустыне, словами: «Сорок веков смотрят на вас с высоты этих пирамид». Вообще-то этих веков было больше, но великий корсиканец об этом еще не знал.

И в нашем случае ни один честный археолог не осмелится точно сказать, когда на перуанской земле зародилась первая цивилизация. И не один местный индеец толком не сможет разобраться, откуда тянутся его подлинные корни. Ближайших родичей он, конечно, назовет.

Шаман подскажет более давнюю историю, но и его память не вмещает такую толщу времени. Поэтому неудивительно, что индейцы обычно подменяют знание легендами.

Разумеется, первый же встречный археолог выслушает ваши любительские версии, добытые у местного населения, с ироничной улыбкой. Хотя он и сам, как Сократ, откровенно признает, что знает по большей части лишь то, что ничего не знает. Слишком много тайн еще не разгадано, так что археология живет в Перу немногими точными данными, а в основном лишь умозрительными догадками и логическими выводами. Хотя формально эти догадки и покоятся на научной почве, все они, по большому счету, являются лишь гипотезами.

Довольно долго империя инков считалась относительно молодой цивилизацией, но когда начали разбираться подробнее, сроки проживания на земле «перуанца культурного» отодвигались все дальше в глубь веков и тысячелетий. В первую очередь это заслуга европейских ученых. Тщательно покопавшись в песочнице, они выяснили, что инкам предшествовали культуры тиауанаку и чавин. Чавинскую цивилизацию сначала отнесли к рубежу нашей эры, но позднее передвинули по временной шкале еще на тысячу лет дальше.

Сегодня большинство археологов считают чавин древнейшей цивилизацией Перу, но вообще-то они и сами не знают точно ни откуда появилась эта культура, ни что ей предшествовало. Не могла же она возникнуть прямо из каменного века. Впрочем, есть отдельные археологи, которые считают, что промежуточные звенья уже обнаружены, просто мнение этих исследователей пока не является доминирующим.

Короче, покопаются ученые мужи в местной песочнице еще несколько лет и, глядишь, отодвинут перуанскую историю опять на тысячелетие-другое в прошлое. Так что к песку, так утомляющему глаз водителя, надо относиться с уважением. Мало ли какие тайны и богатства он скрывает.

Вот и грунтовки, которые мы проезжали столь равнодушно ради кулинарного патриотизма Боба, все вели к каким-то уже разрытым или еще не разрытым археологами тайнам прошлого.

Мы много знаем о золотой лихорадке в Северной Америке и куда меньше о грабительском ажиотаже в Перу, когда в погоню за древними сокровищами устремлялись массы людей. Рассказывают, что в 1961 году на правом берегу реки Пьюры – это где-то в 50 километрах от эквадорской границы – наблюдали удивительную картину: тысячи людей, кто просто с лопатой, а кто и усевшись за руль бульдозера или экскаватора, перепахивали песок в поисках гробниц.

Занятие, кстати, совсем не безопасное. Время засыпало гробницы на глубину до 15 метров, так что в такую песчаную яму искатели сокровищ, бывало, падали вместе с бульдозером. А уж сколько раз людей, ринувшихся снимать с мумий золото, засыпало песком, просто не счесть. Закон, запрещающий грабить древние захоронения, в Перу, естественно, был уже и в ту пору, но перуанский закон и перуанская жизнь чаще всего не замечают друг друга. Так и заполнились все крупнейшие музеи мира уникальными сокровищами из Перу.

Но, может быть, самая страшная беда даже не в этом. Черные копатели – не ученые, поэтому мы даже не представляем, сколько открытий так и не было сделано, а в буквальном смысле ушло в песок.

В 1969 году Теренс Гриндер, археолог из Техасского университета, начав раскопки руин Пашаш в долине реки Таблачаки, не только нашел нетронутыми богатейшие погребения и остатки крупных поселений с массой различных бытовых предметов, но выяснил, что ряд сосудов был изготовлен на гончарном круге. Что особенного? Поясню. В Старом Свете гончарный круг был изобретен в конце IV тысячелетия до нашей эры в Месопотамии и оттуда уже начал распространяться повсюду: от Китая до Европы. Так вот находка Гриндера в Пашаше – единственное на сегодня документальное доказательство независимого изобретения гончарного круга в другом месте. С мозгами у древних перуанцев все было в порядке.

Вот так мы и ехали. Оставляя по обеим сторонам дороги невидимые глазу гробницы, чудеса, золото, серебро.

Жаль, что не взяли с собой лопат.

6

Главный рыбный город Перу – Чимботе, который перуанцы в силу национальной гордыни ошибочно считают самым крупным портом мира, мы проскочили на удивление легко. Город рабочий и в целом похож на огромную индустриальную зону. Смотреть тут особенно нечего, если только вы не бизнесмен, связанный с рыболовным промыслом. К счастью для нас, дорога оказалась относительно свободной, так что попрощались с Чимботе мы довольно быстро.

А вот по колониальному Трухильо, построенному испанцами в 1534 году на пути из столицы Перу Лимы в эквадорское Кито, нам пришлось тащиться мучительно долго, проклиная этот «роскошный город» (так называли его когда-то испанцы, которые любили здесь отдыхать), со скоростью 10 километров в час.

Название перуанскому Трухильо дал сам Франсиско Писарро, главный завоеватель Перу. Причина тривиальна: он сам когда-то родился в Трухильо, только, разумеется, в испанском. К тому же среди его соратников было немало выходцев как раз из этого испанского города, так что, можно не сомневаться, вся эта братия наезжала сюда с чувством особой ностальгии и постаралась сделать все, чтобы перуанский Трухильо стал, по возможности, напоминать их родину.

Для тех, кто здесь впервые, город, безусловно, интересен, но мы с Бобом на подобные колониальные постройки насмотрелись в своей жизни уже немало. Все они примерно одинаковы. Крупный город от провинциального отличается лишь размерами. В центре города на обязательной площади высится главный католический собор, напротив него неизменно старинный муниципалитет, а между ними сад со скамейками, где обычно много зелени и цветов. Там, где местная власть ворует все налоги, зелень и цветы заменяют репейники и пыль. В центре площади столь же обязательный, как и католический храм, фонтан. В некоторых городах действительно очень красивый. В тех местах, что победнее, все намного скромнее.

И, конечно, обязательная деталь пейзажа – пара чистильщиков ботинок. Почему-то каждый уважающий себя перуанец-провинциал до сих пор считает ниже своего достоинства чистить ботинки самостоятельно.

Славен Трухильо тем, что в 1820 году именно он стал первым перуанским городом, провозгласившим независимость от испанцев. Индейцы к этой затее – борьбе за независимость – имели отношение лишь как пушечное мясо. Всю эту бурную катавасию, что в конце концов разрушила испанскую империю, затеяли местные испанцы и креолы, не пожелавшие больше платить налоги королю в далеком Мадриде. И то верно, за что платить деньги человеку, которого ты никогда не видел? И уж точно никогда не увидишь от него ничего хорошего.

Кстати, главная площадь почти в каждом перуанском, да и вообще латиноамериканском городе называется одинаково: *plaza de Armas* – площадь Оружия. Это как раз в память о тех, кто отказался платить королю налоги, а затем защищал это свое справедливое желание с оружием в руках. В Трухильо на площади Оружия есть даже монумент одному из лидеров латиноамериканской борьбы за независимость Симону Боливару. Родом он, правда, из далекой от Перу Венесуэлы, но действительно бывал и здесь. Говорят, на площади располагалась одно время его штаб-квартира.

Старый центр города, бесспорно, красив, особенно дома с резными колониальными балкончиками, и мы с Бобом с удовольствием бы полюбовались ими в очередной раз, но, на нашу беду, все улицы славного Трухильо оказались плотно закупорены пробкой. Старыми машинами, грузовиками, полными разнообразных товаров, от холодильников до электроутю-

гов, неуклюжими фурами с овощами и фруктами, которые медленно, но упорно продвигались к местному рынку, а нередко и ослиами, на которых гордо восседали живописные перуанки в национальных костюмах.

Для крестьянок из ближайших деревень поездка в Трухильо – целое событие, поэтому женщина надевает в такой день самый лучший наряд, исключительно ручной работы, либо своей, либо маминой, подготовленный еще к свадьбе. Рядом с женщиной обязательно муж, брат или дядя в соломенной шляпе, парусиновых штанах и разбитых сандалиях. Отпустить женщину одну в большой город, полный соблазнов и лукавых горожан, ни один крестьянин не рискнет.

Да и самому любопытно. Тем более, пока жена или сестра будет бегать по лавкам, закупая нужные для дома продукты и нехитрый скарб, мужчина с удовольствием потратит свою скромную заначку в ближайшем пивном баре.

А если уж совсем повезет, то еще успеет подраться с соседом из ближайшей деревни: значит, съездил не зря – будет о чем вспоминать и рассказывать родне.

7

Первой остановкой на нашем пути должен был стать Чан-Чан – он всего-то в пяти километрах от Трухильо, но из-за коварства Боба в тот день мы до него так и не добрались, хотя и ехали вроде как раз туда.

От Лимы до Чан-Чана всего-то ничего, километров 80, и это расстояние мы могли бы преодолеть одним броском даже с учетом утомительной пробки в Трухильо, но Боб не захотел с утра позавтракать, а теперь настоятельно требовал банкета.

Уловка старая. Просто у Боба между Трухильо и Чан-Чаном, на побережье, имелась для тех мест довольно приличная забегаловка «Под пальмой», которую он держал на паях с братом. То есть всем в этом заведении заправлял, разумеется, старший брат Боба – Мануэль, но деньги в этот ресторанчик (да не обидятся на меня французские гурманы за это высокое слово) вложил когда-то и Роберто. Он же защищал это заведение от посягательств местной шпаны. Мануэль, толстяк-обжора и любитель мексиканской текилы, оказать сопротивление способен не был, а вот Боб – да.

На кухне царствовала жена Мануэля – Пилар, рано состарившаяся женщина с врожденным кулинарным талантом. Набор блюд был, правда, классическим для здешних мест: обычное и смешанное себиче, разные рыбные похлебки, среди них изумительная «а ло мачо», креветки, ракушки и всякая другая морская дребедень, которую я не попробовал бы даже под угрозой расстрела. Ко всему этому в изобилии подавалось, конечно, и местное, кстати вполне приличное, холодное пиво.

Вообще-то индейцы пить пиво не умеют. Не раз наблюдал картину, когда вокруг трех бутылок пива собиралась компания молодых людей, человек десять, и так пьяно веселилась, будто они выхлестали не три бутылки, а три ящика ячменного зелья. Но есть, конечно, и пивные асы, вроде Мануэля, – эти могут перепить и баварца. Как любил повторять Мануэль: «Пиво делает человека полным, но счастливым, а это в нашей жизни самое главное». И с этим выводом наверняка согласился бы и немец, и ирландец, и чех.

Я недаром просил прощения у французов за слово «ресторан». Забегаловка Мануэля и Боба, хотя и считалась по здешним понятиям весьма солидным учреждением, поскольку была аж в полтора, а местами даже в два этажа высотой, плюс веранда, построена была руками самих братьев. Частично из дерева и плетеных циновок, а частично из глины. Да и название «Под пальмой» ничуть не соответствовало действительности: если где-то рядом и торчала какая-нибудь высохшая пальма, то несколько веков назад.

Зато несущую стену веранды, где мы устроились, украшала замечательная фреска местного Пиросмани: океан, парящие в небе пеликаны, рыбаки с сетями, правда очень мелкие (далеко на горизонте посреди волн), и огромный маяк на берегу, сияющий, как огненный куст в Библии. Наконец, апофеоз картины – толстая, как кит, чайка, которая налетала прямо на сидящих за столом и пугала тем, что снесет и накрытый стол, и самих посетителей прямо в недалекий от нас океан.

Несмотря на откровенный примитивизм картины, эта могучая чайка художнику действительно удалась и выглядела тревожно и грозно. Что там жалкий революционный буревестник Максима Горького! Я бывал в этом заведении не раз и заметил, что место за столом как раз рядом с этим угрожающим существом всегда оставалось свободным.

Так. На всякий случай.

8

На лобзание с родней я выделил Бобу не больше часа, но, обнаружив уже через десять минут накрытый стол и внимательно рассмотрев дремавшего на крылечке Джерри с неприлично надутым для джентльмена брюхом (он уже успел побывать на кухне), а главное, взглядевшись в требовательные глаза Боба, я понял, что сегодня до Чан-Чана мы уже не доберемся, хотя он и в двух шагах.

И тут же вспомнил о главной приманке этого совместного предприятия братьев – к забегаловке был пристроен специальный сарайчик, торжественно называемый залом, для любимой игры каждого простого перуанца – в «Лягушку».

Игра предельно проста, но действительно азартна, особенно, конечно, если играть на деньги. Как утверждают современные археологи, древние перуанцы вообще были людьми азартными, историки описывают целый ряд игр, которым они с огромным энтузиазмом предавались в свободное от работы и войн время. Так что «Лягушка» для перуанца – это нечто генетически наследственное. Игра, понятно, уже другая, а вот страсти вокруг нее кипят все те же.

В принципе всего-то простой деревянный, но крепко сбитый ящик, верхняя часть которого усеяна отверстиями, и каждое ведет в определенную ячейку. Угодил туда битой – набрал 100,200 и т. д. очков. А украшает все это сооружение бронзовая лягушка с открытым ртом.

Самый большой куш получаешь, если чудом попадаешь в пасть земноводного. Однако закинуть довольно увесистую круглую битую в это небольшое отверстие надо метров с пяти-семи. Впрочем, расстояние определяют сами игроки. Дети иногда по простоте душевной, не смущаясь, подходят поближе и спокойно запихивают лягушке битую в рот, любители бросают метров с трех, ну а профи... Тут, конечно, чем выше класс, тем сложнее задача. Биты чаще всего тоже отливают из бронзы. Причем их размер лишь немного меньше отверстия в лягушке, так что шансы на успех у игрока, прицелившегося в земноводное издали, как понимаете, мизерные.

Количество бросков либо оговаривается заранее, либо играют на время, хоть весь вечер. Набранные игроками очки записываются мелом на специальной доске. Мел доверяют после бурных дискуссий кому-то одному, но контроль за «счетоводом» осуществляется самый пристальный. И не дай бог ему ошибиться, это вам не какой-нибудь политкорректный научный симпозиум в Лозанне. Тут за плохое знание сложения можно ответить и собственной физиономией. Забавно смотреть, как после очередной серии бросков все игроки собираются возле доски и в меру своей математической одаренности проверяют счет.

Больше всех получает, разумеется, тот, кто попадет лягушке в пасть, но это подвластно лишь очень умелой руке, тому, кто «квакает» с земноводным практически в унисон.

Именно «Лягушка» и приносила заведению «Под пальмой» наибольшую прибыль, поскольку к игре допускались лишь те, кто уже пообедал. А уж текила и пиво в изобилии становились таким же неизменным дополнением к игре взрослых, как мел к грифельной доске.

Если желающих поиграть в «Лягушку» оказывалось слишком много, а такое случалось в праздничные дни, Мануэль вытаскивал из кладовки еще пару ящиков и ставил их на песке прямо у дверей. Чаще всего здесь играли дети, поэтому то, что биты, улетающие куда-нибудь в пыль, приходилось потом искать минут по пять, никого из игроков не смущало. Ковыряться в песке в щенячьем возрасте тоже удовольствие. Малыш вообще живет на нижнем этаже мироздания и воспринимает это как должное.

Благословенная «Лягушка» очень облегчала жизнь родителей. Детей у индейцев обычно много, так что мамам и папам, наконец-то решившим сходить в «ресторан», переключить внимание своих отпрысков было приятно.

И от любимых чад иногда полезно отдохнуть.

9

Уловка Боба была связана, конечно, не столько с желанием повидать родню, к которой он относился равнодушно, сколько с мечтой взять реванш за последнее поражение от брата.

Меня в свою игру братья тоже брали, все-таки за многие годы перуанской жизни и я кое-чему научился, но брали не столько за компанию – все равно я всегда проигрывал этим ушлым ребятам, – сколько потому, что за меня неизменно просила мудрая Пилар. Как верно она считала, я по мере возможности гасил страсти, которые почти обязательно начинали полыхать между двумя взрослыми родственниками даже в такой, казалось бы, невинной игре, как «Лягушка».

К тому же соперники были достойны друг друга. Боб – человек вообще железный, да еще и с необыкновенно острым глазом. Единственное, чего ему не хватало, так это практики. Какие уж там развлечения, когда его беспрерывно носило по стране.

Зато у Мануэля этой практики было, наоборот, сколько угодно. Всеми делами в их забегаловке заправляла жена, а он только и делал, что пил текилу с пивом и играл с приятелями в свою любимую игру. Да и рука у него, при всей его тучности, оставалась твердой, а глаз – это уже, видимо, генетика – почти таким же острым, как и у брата.

Иначе говоря, грифельная доска с мелом всегда доставалась мне. Во-первых, арифметику оба брата, по правде говоря, знали не очень хорошо. А во-вторых, мне, как нейтралу, который на выигрыш не претендовал, доверяли, разумеется, больше.

Собственно говоря, Боб был уверен, что проиграл в последний раз только потому, что я часам к трем ночи от усталости скис и из игры вышел. А Мануэль, которому по старшинству (он родился на год раньше) досталась доска с мелом, начал, по мнению Роберто, беспардонно мухлевать.

От расправы хитроумного Мануэля в ту роковую ночь спасла только недремлющая семья: Пилар, не жалея ни себя, ни сыновей, встала тогда живым щитом между двумя рассвирепевшими братьями. На этот раз она успокоилась только после того, как я дал ей честное слово, что буду вести счет лично до самого конца игры.

Правда, зная, насколько затяжными могут быть поединки между братьями, кое-что я выторговал и для себя: каждый час перерыв пятнадцать минут, чтобы охладить пыл соперников, и в целом игра должна была длиться не больше пяти часов. По моим прикидкам, это был тот максимум, который я с трудом, но все же мог выдержать. «Лягушка» вдохновляла, конечно, и меня, но не настолько, чтобы играть в нее всю ночь. К тому же я хотел приехать в Чан-Чан со свежей головой.

По жребии первым выпало бросать мне, затем Мануэлю, а заканчивать серию Бобу.

Игра простая, но не без хитростей, поэтому каждый здесь выбирал свою тактику. Одни, даже не пытаясь «накормить» лягушку, неумоимо набирали свои очки, целясь в наиболее «доходные» ячейки, другие, наоборот, непременно пытались угодить в лягушачью глотку, что сразу же приносило много очков и позволяло оторваться от соперников. Правда, тут был немалый риск: если попытка не удавалась, то бронзовая бита, неудачно встретившись с лягушачьей мордой, улетала за пределы ящика и за бросок не начислялось вообще ничего.

У каждого из нас троих была своя тактика. То есть, вернее, у меня ее не было вовсе. Когда мне хотелось, я пытался «накормить» лягушку, но поскольку это фантастически сложно, то интерес к донкихотству быстро пропадал, и я просто набирал очки, как получалось. Опытный Мануэль, у которого движение кисти было отточено до совершенства многолетним опытом, к лягушке даже не примерялся. Он бросок за броском упорно набирал максимум того, что можно взять в ячейках. А авантюрист Боб был, конечно, «лягушатником». Чаще всего он, естественно, мазал, но периодически заставлял земноводное поедать свои биты.

В результате после первого часа игры далеко впереди шел Мануэль, с большим отставанием от него двигался я и еще дальше, со своими тремя попаданиями в лягушачью глотку, стоял Боб.

Как я заметил, расстроен он не был. Роберто чувствовал себя в хорошей форме и после длительного перерыва в игре только пристреливался к цели. Не испытывал большой радости от своего лидерства и Мануэль. Он уже прикинул, что если Боб за час будет попадать в лягушку раз пять, то сравняется с ним, а уж если раз шесть, то начнет его обгонять.

Мрачное предчувствие Мануэля не обмануло. Во второй час игры Боб загнал биты в пасть земноводного четыре раза, в третий и четвертый час по шесть и уже шел впереди, ненамного опережая брата. Я, как обычно, плелся в конце, но не переживал, а наоборот, как из ложи партера со всеми удобствами, наблюдал эту необычную лягушачью дуэль.

11

Наступал последний, пятый, решающий час поединка. Мануэль начал нервничать и даже отставил в сторону бутылку текилы. Боб к своему пиву за всю игру даже не притронулся, несмотря на вкрадчивые напоминания брата. Я же потихоньку тянул свое пиво и кидал биты как бог на душу положит.

Кстати, Господь, смеха ради, сделал так, что я даже случайно один раз попал в лягушку, чего со мной не случалось до того за все время пребывания в Перу. Это немного разрядило накаленную обстановку, потому что оба брата тут же не преминули надо мной пошутить. Мануэль с усмешкой заметил, что «теперь-то игра пойдет всерьез», а Боб иронично буркнул: «Полундра, русские идут!»

Внешне я остался спокоен и невозмутим, как Веллингтон в битве при Ватерлоо. Но в душе ликовал: это же надо, впервые за столько лет попал наконец в эту чертову лягушку!

А вот остальные, несмотря на маленькое развлечение, что я им доставил, продолжали нервничать. Причем не только братья.

Пилар с сыновьями заглядывали к нам каждые двадцать-тридцать минут, чтобы удостовериться, не передрались ли петухи, но делали это очень осторожно, чтобы ни Боб, ни Мануэль не заметили. Все их вопрошающие взоры сквозь дыру в стене-циновке устремлялись на меня. Я успокаивающе кивал, и они, облегченно вздохнув, на время куда-то исчезали. Даже Джерри на секунду забежал к нам, но, почувствовав своей шкурой в воздухе электрические разряды, предпочел от греха подальше удалиться.

Боб был сосредоточен как никогда и уже в первой серии последнего часа игры из десяти своих бит три загнал лягушке в пасть. Взглянув на Мануэля, я впервые в жизни увидел, как поблел индеец. Не могу сказать, что это доставило мне удовольствие, уж очень это зрелище

напоминало переход из мира живых в мир теней. Тем не менее своей тактики Мануэль не изменил, надеясь на то, что счастье от Боба отвернется.

Вторая серия у Боба прошла неудачно: все биты ударились о лягушачью губу и отлетали в сторону. Мануэль просиял и даже снова потянулся к текиле. Впрочем, зря.

Третья серия стала для Боба триумфальной: он действительно пристрелялся. Пять из десяти бит подряд – я такого вообще не видел в жизни – влетели в лягушку. Хотя до конца часа оставалось еще минут тридцать – игра уже была сделана.

Оставшееся время Мануэль, пытаясь спасти ситуацию, изо всех сил старался попасть в лягушку. А Боб, и это было, конечно, с его стороны чистым издевательством над братом, швырял свои биты не глядя, демонстративно повернув голову в мою сторону и разговаривая о какой-то ерунде. Причем, что самое удивительное, Мануэль в бронзовое земноводное так и не попал, а Боб вслепую угодил ей в горло еще пару раз. Видимо, и позицию, и бросок он отработал уже до такого автоматизма, что глаз играл лишь вспомогательную роль.

12

Наконец мучения закончились. Мануэль мрачно допил свою текилу и быстро, чтобы не слышать насмешек брата, ушел спать. Впрочем, Боб, как мне кажется, и не собирался «добивать» родственника. Тем более что на самом деле он соревновался не с ним, а с самим собой. Взяв в руки бутылку пива, он подошел к доске, стер все результаты и кивнул мне: «Пойдем к океану».

Туда мы и двинулись втроем – впереди нас гордо нес свое все еще не опавшее брюхо рыжий терьер. Когда мы сели на перевернутую вверх дном рыбачью лодку, на которую почти накатывали волны Тихого океана, Боб даже почесал Джерри за ухом, что свидетельствовало о высшей степени умиротворения. Терьер неожиданную ласку оценил и прижался к индейцу всем своим рыжим организмом. А я пожалел, что оставил в сумке фотоаппарат – кадр получился бы редчайший.

Пахло сетями, тиной, океанской волной, а на горизонте в бесконечное водное пространство тихо опускалось огромное багряное солнце. На его фоне еще крутилось несколько серфингистов. Но это были самые последние фанатики, большинство уже перебралось к своим палаткам и собирало для вечернего костра выброшенные океаном на берег коряги.

Минут десять, не говоря ни слова, мы смотрели на уходящее под воду солнце. «Хорошо!» – заметил наконец, потянувшись, Боб, осторожно отодвинул от себя терьера и полез под лодку спать. Поскольку индеец это проделывал часто, мы с Джерри не удивились. «Действительно хорошо», – просто согласились мы, еще немного посидели, но решили все-таки вернуться в дом, где Пилар приготовила для нас удобное ложе на веранде, пусть и на полу. Здесь чувствовалось дыхание близкого океана и жар все еще горячего песка.

На ежевечернее умывание пса сил у меня уже не было, да и крыс он в этот день не ловил, утомленный местной кухней. Джерри немедленно воспользовался моей усталостью, нагло прошагав по нашей общей постели лапами, полными песка. Пришлось все перестилать и сделать терьеру строгий выговор. Впрочем, как можно было заметить по его сонным глазам, выговор не пошел ему впрок совершенно. Когда мы наконец утомнились, а мокрый собачий нос, как обычно, уткнулся мне в ухо, вокруг черным бархатным занавесом уже все покрывала крошечная тьма, сквозь которую иногда лишь мелькали всполохи дальнего костра и негромко слышалась гитара. Это никак не могли утихомириться ребята-серфингисты.

Не знаю, как спал в эту ночь Мануэль, но наша тройца выпалась отменно.

Завтрак прошел под причитания Мануэля, что у него болит поясница. Причем, как неожиданно выяснилось, поясница болела еще вчера, просто он не хотел портить удовольствие младшему брату. Звучало это столь надуманно, что даже на неулыбчивом лице Боба появилась некая гримаса, означавшая саркастическую улыбку. Мануэль гримасу брата заметил и тут же обиженно замолчал. Пилар, напротив, как и положено заботливой супруге, тут же бросилась в дом за своим пончо, чтобы согреть поясницу супруга. «Симулянт!» – громко констатировал Боб, как только Пилар вышла из кухни. «Бандит!» – тут же ответил брат и замолчал уже окончательно до нашего отъезда.

Когда мы начали укладывать вещи в машину, из-за угла с каким-то мешком из дерюги появились два дюжих племянника и позвали дядю Боба. Потом они втроем минут тридцать, оживленно беседуя, ковырялись в неведомых богатствах, что скрывались в мешке. Наконец Боб призывно махнул рукой и мне.

Я знал, что два молодца-рыбака с рассветом обычно уходят на легальный промысел, днем спят, а вечером присоединяются к черным копателям, так что содержание мешка меня не удивило: осколки керамики, пара целых глиняных сосудов уакос, в которых инки в давние времена хранили воду, – но все это было не особенно интересно. Видел я и керамику изящнее, и уакос, сделанные с изумительным искусством и юмором, изображавшие людей и животных: воинов с короткими мечами, прачек, горшечников, шаманов и разных лесных тварей, жутковатый скелет с шокирующим своими размерами фаллосом и разных мифических божков. А это была самая обычная бытовая штамповка того времени – штука, возможно, любопытная для археолога, но не очень привлекательная для любителя-коллекционера.

Но вот то, что обнаружилось на дне мешка, меня по-настоящему поразило. Здесь вперемешку, как хлам, лежали древние хирургические инструменты, начиная с бронзовых и уже отчасти потерявших свой первоначальный облик пинцетов с зажимами и кончая серебряным тумиком для трепанации черепа. Тумик был не только в прекрасном состоянии, но и по-настоящему элегантен.

Может, это и причуда, но мне кажется элегантным всякий рабочий инструмент, идеально подходящий для дела и уже изрядно отполированный мозолистыми руками мастерового. К тому же в данном случае к полумесяцу-тесаку была приделана очень удобная для хирурга рукоятка, на конце украшенная забавной фигуркой обезьянки. Так что я увидел не просто инструмент, а настоящее произведение искусства.

Заметив мой восхищенный взгляд, Боб отвел братьев в сторону и через какое-то время денежный вопрос был решен. Как другу и постоянному клиенту, мне дали такую скидку, что я просто не мог отказаться от покупки. Таким образом, старинный тумик проделал путешествие из древней гробницы сначала в грязный мешок, затем в карман моих джинсов, а позже, перелетев через океан, оказался в моей московской квартире. Все это было совершенно незаконно, но, должен признаться откровенно, моя совесть не подала в этот момент ни малейших признаков жизни. За что ей отдельное спасибо.

Мануэль и Пилар в эту торговую операцию не вмешивались, а лишь молча издали наблюдали за нашими переговорами. Между родителями и уже взрослыми детьми существовал договор: стол и кров сыновьям гарантировался всегда, а вот во всем остальном они обеспечивали себя сами. Судя по тому, что оба сына были одеты намного лучше родителей, да к тому же у каждого из молодых людей имелась своя, пусть и подержанная, но совсем не плохая машина, дневная работа только снабжала ресторан-забегаловку свежими морепродуктами, а ночная приносила братьям очень хороший доход.

Наконец мы попрощались, пристроили по своим местам вещи, и раскаленная машина начала выбираться из песка на трассу. Было заметно, что родня Боба провожала нас с очень разными чувствами: каждое лицо читалось, как открытая книга.

Ясно было, что теперь несколько месяцев Мануэль будет упорно тренировать бросок в лягушку, а потому, когда Боб снова заглянет «под пальму», его ждет битва не на жизнь, а на смерть. Глаза Пилар выражали скорбь, она уже заранее переживала и продумывала, как уберечь от будущей драки этих заядлых «лягушатников». Действительно, без меня сделать это будет совсем не просто.

Не выказывали ни малейшего счастья в связи с нашим отъездом и лица племянников: они отлично понимали, что сильно продешевили с тумиком, но воспротивиться давлению дяди Боба не могли.

Впрочем, переживания провожавших нашу троицу нас волновали уже мало. Я любовался тумиком, Боб умиротворенно вел машину, вспоминая вчерашнюю победу, а Джерри вообще был непоседой – ему все равно куда, только бы не сидеть на одном месте.

14

До Чан-Чана было рукой подать, так что через десять минут мы уже вылезли из машины, кондиционер не успел ее даже охладить. Дальше на транспорте народ не пускали, надо было пройтись немного пешком по песку. Кстати, не самое приятное дело.

Вот как раз из-за этого песка маленький, коротконогий Джерри и не любил Косту, то есть перуанское побережье. Радости псу не доставлял ни океан, волны которого уже несколько раз чуть не утащили его в бездну, когда он пытался вытащить из воды какую-нибудь деревяшку или дохлую рыбешку, ни глубокий и зыбкий песок, который низкорослому терьеру приходилось иногда бурить, как землеройке. И самое неприятное – песок застревал в его лохматой шкуре, так что потом приходилось долго его из терьера вытряхивать. А это все-таки унизи-тельно, когда хозяин берет английского джентльмена за задние лапы и долго трясет, как какую-нибудь нечистокровную болонку. Чувства Джерри я понимал и даже сочувствовал ему, но, согласитесь, не пускать же такого грязного пса в машину.

Так что, когда мы добрались до узких дорожек, проложенных археологами вдоль стен Чан-Чана, больше всего этому обрадовался терьер. В восторге он даже захотел оросить много-вековую древность, но Боб так на него цыкнул, что у пса мочевого пузырь заклинило. И на весь день. Боб – это, знаете, очень серьезно.

Чан-Чан – это вам не «молоденький» Трухильо. Это бывший центр культуры чиму и столица древнего государства Чимор. Город, построенный примерно в 1300 году, когда-то был крупнейшим на перуанском побережье к северу от Лимы. Инки, которые никак не могли взять Чан-Чан силой, в конце концов взяли его измором, перекрыв дамбой маленькую реку, что поила город. А в такую жару без воды долго не продержишься.

Уничтожать Чан-Чан инки не стали, это вообще было не в их стиле. Инки расширили свое владычество, с удовольствием поглощали новую культуру и делали ее достоянием всей империи, а вот разрушать... По этой части куда большими специалистами оказались цивилизованные и осененные святым крестом испанцы. Правда, перед тем как разрушить, оставили, спасибо хоть за это, восхищенные воспоминания. Главная тема этих записей, конечно, золото, они же приплыли за ним. Вот они и описывали золотые украшения на культовых зданиях чиму или золотую площадку в соседнем городе Тумбес, на которой животные и растения были сделаны из чистого золота.

И все же христиане-конкистадоры называли индейцев дикарями и сровняли с землей все, что могли. Тем более что сделать это оказалось несложно – Чан-Чан, с первоначальным населением около 60 тысяч человек, был едва ли не крупнейшим сооружением, построенным из

самана. Тюрки нечто похожее называют соломой, но вообще-то это примитивный кирпич из глины. Часто действительно вперемешку с соломой и прочим мусором. Здание делается быстро и легко, но крепость это, конечно, напоминает мало.

В последнее время из-за изменения климата на засушливую землю Перу вдруг стали регулярно выпадать дожди, так что мы ехали, можно сказать, прощаться с Чан-Чаном. Местные и зарубежные археологи предпринимают немалые усилия, чтобы спасти хоть что-то, но вода сильнее самана.

Сегодняшние руины Чан-Чана, хотя он и был, как предполагает часть археологов, едва ли не самым крупным городом на южноамериканском континенте (другие считают, что крупнейшим древним городом континента являлся мегаполис инков на озере Титикака), на человека без воображения впечатления, пожалуй, не произведут. Разрушенные глиняные стены, украшенные, правда, чудным орнаментом в виде пеликанов. Несколько, видимо, храмовых залов, в том числе и то, что осталось от храма Дракона, который, по одной из легенд, основал город. Наконец, фрагменты сложнейшей системы водоснабжения города – вот, пожалуй, и все.

Между тем еще в XIX веке Чан-Чан выглядел гораздо внушительней. Известный исследователь Эфраим Джордж Скуайер, повидавший на своем веку многое, в том числе и Египет, в ту пору так описывал это место: «Длинные линии толстых стен, гигантские, разделенные на камеры пирамиды, развалины дворцов, дома, акведуки, водоемы и склепы, растянувшиеся на много миль во всех направлениях».

Впрочем, если кого-то и нужно было убеждать в былом величии Чана-Чана, то уж точно не нас с Бобом. Мы собственными глазами видели в округе Чан-Чана немало захоронений, по большей части уже разграбленных, которые все же помогали нам мысленно воссоздать былое богатство этого места. По тем остаткам, что не унесли черные копатели, легко угадывалось, что буквально каждое захоронение правителя было переполнено драгоценными камнями, изысканной керамикой и десятками скелетов молодых женщин – какой же уважающий себя господин отправится на тот свет без приличного гарема?

И тем не менее Чан-Чан – не самое древнее место в этом районе. Чуть дальше в той же долине Моче высятся руины, которым, как считают археологи, около 2000 лет. Здесь был когда-то центр одной из самых развитых цивилизаций Америки – мочика. Где-то в 30-е годы XX века тут в песке с энтузиазмом копался немецкий археолог-любитель, затем поселившийся в Перу. С точки зрения профессионалов, он, конечно, многое упустил и наделал массу ошибок, но все равно оказался не обычным грабителем, а собирал коллекцию, да к тому же еще и писал о своих раскопках подробные статьи. Так что благодаря этому человеку, которого звали Рафаэль Ларко Ойле, современные ученые знают о мочика много интересного. Мочика известны своей великолепной керамикой и роскошными тканями, хотя до сих пор не ясно, как и когда местные индейцы овладели этим искусством. И у них были большие, богато украшенные города, и у них были храмовые пирамиды. И все это, повторяю, возникло еще до чиму.

Но вернемся к Чан-Чану. Когда я был здесь в последний раз, то даже не подозревал, что этому чуду, расположенному среди песков, может угрожать вода.

Именно тут, как мне кажется, самое место поговорить о загадках климата перуанского побережья.

Виной всему два малыша: более известный феномен Эль-Ниньо («мальчик» или «малыш») и менее известный, поскольку с ним-то как раз все свыклись, – Ла-Нинья («девочка»). Эти дети природы с непонятной ученым цикличностью сменяют друг друга у перуанского побережья, принося к его берегам то холодные воды, то, наоборот, теплое течение, которое диаметрально меняет весь местный климат.

Попросту говоря, «Девочка» приносит с собой сушь, холодную волну и рыбу. А «Мальчик» – теплую воду, которая убивает планктон и отгоняет рыбу, а на засушливое побережье

обрушивает влажные воздушные массы и такие ливни, которые иногда вызывают даже наводнения.

Все годы, что я жил в Перу, мне как-то везло сосуществовать в основном с Ла-Ниньей, но вот прошло время, и добрую Девочку сменил злой Мальчик. Долгие годы он только пугал перуанцев своим приходом или приходил ненадолго, а потому большого вреда принести не успевал. Но теперь, судя по последним прогнозам климатологов, решил бывать у берегов Перу чаще и оставаться здесь дольше. Это одно из проявлений тех странных климатических аномалий, что происходят в новом тысячелетии на нашей планете. Единственная надежда на непредсказуемый, непоседливый характер «Малыша» – всегда остается шанс, что он рванет искать приключений в другое место.

Сначала археологи лишь покрывали саманный Чан-Чан специальной глазурью, чтобы защитить его от влаги, а теперь мы с Бобом наблюдали за сооружением стального навеса, который должен был хоть как-то помочь сохранить развалины древнего города. Злой Мальчик не щадит прошлого. Подозреваю, что он потомок конкистадоров.

Таковы парадоксы жизни: сначала человек очень долго Чан-Чан строил, потом бессмысленно разрушил, а теперь отчаянно пытается спасти то небольшое, что от него осталось.

Впрочем, как мы с Бобом быстро заметили, спасал Чан-Чан далеко не каждый перуанский хомо сапиенс. В разных уголках древнего города прижились местные бомжи. Хоть с двух сторон, хоть с одной, но все-таки стены. И как ни борются археологи при помощи местной полиции с этим бездомным племенем, бомж всегда в конце концов побеждает. А если временно и отступает, то отставляет на месте славных царственных руин немыслимую помойку и какие-то нелепые пристройки и ямы, которые он соорудил, чтобы жилось удобнее.

Как раз на обратном пути мы увидели одного из бомжей, который, как крот, неумоимо рыл яму прямо под стеной Чан-Чана. Боб не выдержал и, неистово ругаясь, вылез из машины, но до бомжа добраться не успел. Почувствовав опасность, тот быстро вынырнул из ямы и, подтягивая штаны, помчался от нас прямо в пески.

В общем, эта была невеселая экскурсия. Сам факт того, что Чан-Чан попал в Красный список объектов Всемирного наследия, находящихся под угрозой уничтожения, говорит о том, что жить городу осталось уж точно не века, а скорее десятилетия.

Что такое Красная книга, известно всем: животных и растения, которые в нее попадают, спасти удастся редко. Что уж говорить о каких-то там руинах в далеком Перу.

Так что кто успел, тот увидел. А так... прочтете воспоминания о Чан-Чане в книгах историков и археологов.

15

От развалин мы все трое отъезжали в мрачном настроении. Джерри все еще дулся на Боба, я думал о том, какая печальная участь ждет Чан-Чан через какое-то время, но особенно угрюмым казался индеец. Километров двадцать он молчал. А потом неожиданно разговорился. Честно говоря, я думал, что он все еще вспоминает удравшего от него бомжа, но все оказалось гораздо серьезнее. Развалины Чан-Чана навели его на куда более серьезные воспоминания.

«Знаешь, больше всего на свете ненавижу дожди, – серьезно, взглянув на меня, заметил он. – Я никогда тебе не рассказывал, но вообще-то мы с братом живы чудом. Мы ведь родились высоко в Андах, в распадке между двумя склонами гор. Маленький деревенский поселок, который вырос из нескольких домов только потому, что в этом месте на склонах ущелья есть древние террасы, сделанные еще нашими предками, чтобы выращивать кукурузу.

И там, как по волшебству, все великолепно росло. Урожаи были потрясающие, вот народ и потянулся. Построили церковь, устроили даже фонтан – все наивно мечтали на этом

узком местечке дорасти до города. Школа была, правда, только начальная, а потом детей, кто постарше, возили километров за тридцать вдоль ущелья на автобусе в соседний поселок.

Дело было к осени. Мануэлю тогда было лет четырнадцать, мне тринадцать. Сначала все заволокло на неделю туманом, а потом пошли дожди. Недели три шли не переставая. Мать еще жаловалась, что вот-вот соль кончится, а из дома нос не высунешь – стена дождя. Вот и в ту ночь лило, как будто начался Всемирный потоп. Пол уже был по щиколотку в жидкой грязи, так что нас с братом отец отправил спать на чердак. Там тоже лило, но под парой пончо можно было с трудом хотя бы вздремнуть.

Я-то обычно сплю как убитый, а Мануэль, наоборот, просыпается от каждого шороха, да и темноты в детстве всегда боялся. Он меня и спас. Часа в три ночи на поселок обрушился страшный сель – все эти террасы из камня и земли, что много веков назад возвели наши предки, вдруг будто потекли с одного из склонов, собирая по дороге валуны, дома со спящими людьми и всякий хлам – чистотой наш поселок никогда не отличался. Если бы это случилось днем, может, еще был бы шанс спастись, а ночью...»

Боб полез в карман, достал сигарету и закурил.

«Брат почувствовал что-то странное первым, но долго недоумевал, что это за гул. Да и сквозь шум дождя слышно было плохо. Если бы соображал быстрее, возможно, спаслись бы и отец с матерью, хотя вряд ли – грязь уже начала захлестывать дом. Мы с братом выскочили через крышу, это же солома, а потом что есть мочи помчались к кладбищу, на самое высокое место в поселке. Убежать было трудно, но можно: сель шел огромной стеной, но все-таки не так быстро, как цунами. Вроде нас ни разу всерьез даже не захлестнуло, но потом оказалось, что мы с ног до головы в корке грязи. Наверное, хлестало вместе с ветром: вода, земля и камни.

На кладбищенском холме стоял высеченный из камня Христос. У ног Христа и спаслось человек десять – все, что осталось от жителей поселка. Христу, я, конечно, благодарен. Но за что нам все это? Отец, конечно, святым не был, а вот мать...

Я туда пару лет назад заезжал. Опять на этом же месте стоит деревня, как будто ничего не произошло. Бегают дети. Даже сохранилось несколько старых могил. Некоторые имена соседей вспомнил, но наших, видно, так и не откопали. Посреди площади видна метра на два верхушка колокольни старой церкви, а еще дальше торчит ржавый, искореженный кусок школьного автобуса. То есть люди понимают, где живут.

Нас с братом потом подобрали монахи: как же, „чудо“ – сам Христос спас, – и отправили учиться в один из монастырей под Лимой, но нам там не очень нравилось. Мануэль всегда был ленив, а я, наоборот, слишком непоседлив, так что через пару лет мы с ним оттуда сбежали. Посидели на пригорке, покурили всласть и разошлись каждый своей дорогой. Он в горы больше не хотел, поэтому решил пристроиться где-нибудь на побережье. Я потом с трудом его нашел среди рыбаков. А сам сначала года полтора ковырялся в шахте – тоже, скажу тебе, работа для самоубийц, а потом опять сбежал, подвернулась партия альпинистов из Европы. У них многому и научился.

Я не знаю, когда в нашем бывшем поселке снова случится оползень – то ли от землетрясения, то ли снова от ливней, но то, что это произойдет, не сомневаюсь. И все люди, что там сегодня живут, тоже в этом уверены. И все равно народ тянется именно в это место. Хотя... куда им податься, да и смерть – она настигнет где угодно. А вот кукуруза там по-прежнему растет великолепная. А это значит, можно хоть сколько-то лет прожить относительно безбедно».

Индеец снова закурил и надолго замолчал. Это был самый длинный монолог Боба, что я услышал от него за все время нашего знакомства.

Чем ближе была граница Эквадора, тем меньше наши мысли поглощало прошлое, хотя с правой от нас стороны под землей оставалась еще одна интереснейшая древняя цивилизация – культура викус. Без особых изменений она просуществовала с первых веков до нашей эры до конца первого тысячелетия нашей эры, а затем попала под господство культуры чиму, от центра которой мы только что отъехали.

Культура викус интересна, пожалуй, двумя особенностями. Внешне многие ее могильники больше напоминают не классические перуанские, а почему-то колумбийские. Очередная загадка для археологов. И еще: ни одна цивилизация Перу не одарила ученых таким количеством изделий из меди. Даже на разграбленных могилах можно без особого труда найти, если, конечно, покопаться в земле, разнообразные украшения, металлическую «головку» боевых палиц, булавки, какие-то непонятные крючки.

Когда-то и мы с Бобом пропустили через свои руки много этой древней меди. Но теперь было не до того, индеец рвался к эквадорской границе, и никакие богатства культуры викус не шли в его глазах ни в какое сравнение с предстоящим триумфом перуанского себиче.

Поэтому все населенные пункты, что встречались по дороге к границе, мы по настоянию Боба объезжали, если удавалось, краем. Так мне не пришлось в последний раз взглянуть ни на Пьюру, ни на Талару, ни на Тумбес. Индеец был безжалостен.

Впрочем, чем ближе мы подъезжали к границе, тем больше делали небольших остановок. Как только появились первые пальмы, меня начал активно скрести сзади лапой Джерри – его мочевой пузырь, надолго заткнутый окриком Боба еще в Чан-Чане, наконец отошел от испуга и был готов к действию. Боб удовлетворенно ухмыльнулся, наблюдая за тем, как бедный терьер помчался к первой же пальме и бесконечно долго ее поливал.

Потом останавливались, чтобы отведать ананасы. Территория еще была перуанская, но на Панамерикане под благословенными пальмами уже стояли в тени повозки, полные вкуснейших эквадорских ананасов. Здесь преимущество эквадорцев было полным, это признавал даже Боб. Так что мы дважды тормозили, чтобы насладиться вкусом сочных фруктов. Потом, правда, пришлось искать воду, потому что мы оба оказались по уши измазаны сладким липучим ананасовым соком. А жить в такой маске нормальному человеку не очень приятно. Да и мухи одолевают. Тем более повезло мне, чье лицо тщательно вылизал Джерри – особый ценитель сладкого. Кстати, удивительный пес, ест все: бананы, ананасы, любые фрукты. Как язвительно предположил Боб, английский джентльмен просто заедает при этом неприятный привкус крысины.

Километров за пять до границы мы начали искать надежное место, где можно было бы оставить машину. Джерри на эквадорскую территорию мы решили не брать, а это значило, что он остается в «тойоте» с приоткрытыми стеклами, чтобы не задохнулся, ну и, конечно, с миской воды.

Умный терьер все понял заранее и приуныл. Я тоже. Все-таки при всем обилии приключений, которыми меня наградила судьба, нелегальный переход границы в этом списке значился впервые. Место остановки выбирал Боб и ужасно привередничал. На самом деле ему было просто лень идти до границы пешком, а потому он хотел подъехать к ней как можно ближе. В результате мы чуть не уперлись в перуанский пограничный блокпост, так что пришлось сдавать назад.

Наконец Бобу приглянулся один уютный тенистый дворик. С уверенностью Шерлока Холмса Боб тут же уверенно заметил: «Гнездо контрабандиста».

Похоже, индеец был прав. И домик по местным понятиям богатый, и сарайчик с крепким замком, и приличный забор с засовом. «Всем сидеть», – приказал Боб, и мы с терьером

послушно остались в машине, пока индеец и хозяин на доступном только им языке профессиональных контрабандистов о чем-то толковали на крыльце. Я увидел, как пятидесятидолларовая бумажка перекочевала из рук Боба в руки хозяина – худого долговязого парня с мощными усами, похожими на домашнюю щетку, что означало – договор заключен. Усы выдавали его родословную: в нем явно было больше испанской, чем индейской крови.

Место для машины во дворе я выбирал долго. Неизвестно, сколько времени мы пробудем на той стороне, поэтому требовалось найти такой пяточок, чтобы Джерри находился все время в тени. Стекла в машине я везде приспустил, но так, чтобы пес из тюрьмы не выбрался. Ну а переворачивать миску с водой было не в его интересах.

– В крайнем случае хозяин добавит воды и покормит пса, – успокаивал меня Боб, – а если ты оставишь еще и поводок, то даже выгуляет. Все равно я обещал, что ключи от «тойоты» останутся здесь: вдруг машину придется перегнать подальше от глаз пограничников.

Прочитав в моих глазах некоторое сомнение, Боб тут же его категорически отмел:

– Не волнуйся, у нас с хозяином нашлись общие знакомые, так что все будет нормально, ни одна зубочистка не пропадет. И за своего крысолова не беспокойся. Мужик, конечно, с законом не в ладах, но собак не ест.

Спрашивать об общих знакомых мне показалось неуместным, поэтому я предпочел не вмешиваться.

Подойдя поближе к блокпосту, я увидел, что пограничники – а их оказалось трое, – как и обещал Боб, дремали. Тем не менее пройти у них под носом я не решился. Взглянув чуть вдаль и вокруг, заметил и блокпост эквадорцев – он был точно такой же, только над ним полоскалось эквадорское знамя, но главное, обратил внимание на необычайное оживление вдоль всего участка, что примыкал к перуано-эквадорской границе. Разделял ее действительно лишь неглубокий ров, наполненный всяким мусором, в основном картонными коробками и полиэтиленовыми мешками.

К моему изумлению, на глазах двух блокпостов, хотя и в вежливом отдалении, чтобы не тревожить сон и совесть блюстителей закона, перуанцы и эквадорцы – кто с сумками и рюкзаками, а кто и с небольшими колясками, способными преодолеть пограничную канаву, – без особой суеты, совершенно спокойно шествовали через границу в ту и другую сторону.

Как белый человек, я из этой толпы правонарушителей все-таки выделялся, поэтому мы отошли от блокпостов метров на сто и там перепрыгнули через ров. Так без особых хлопот мы очутились на эквадорской территории.

Не понимаю, и чего все так восхищаются Джеймсом Бондом?

17

Пройдя сначала несколько десятков метров по нейтральной полосе, на которой оказалось немало следов, оставленных телегами и башмаками «вражеских лазутчиков», мы с Бобом быстро оказались уже на эквадорском участке. Панамериканцы и бодро двинулись к нагромождению каких-то складских помещений неподалеку.

Как скоро выяснилось, это и был главный приграничный супермаркет контрабандистов, набитый снизу доверху самой разной электроникой. Ее-то и закупали здесь перуанские торговцы, перевозили или переносили в больших сумках через канаву-границу, а в Лиме перепродавали по значительно более высокой цене.

Почему в Эквадоре какой-нибудь музыкальный центр, собранный, естественно, в Китае, был дешевле, чем в Перу, не смог объяснить даже Боб. Единственное, что разумно предположил индеец, – то, что в соседней с Эквадором Колумбии все эти китайские поделки наверняка еще дешевле.

Надо сказать, на юге, на перуано-чилийской границе, которая благодаря аккуратным и дисциплинированным чилийцам, к воспитанию которых когда-то немало сил приложили немцы, была много строже, в экономическом смысле происходило примерно то же самое. Просто на чилийской границе перуанцы обычно закупали машины и крупную бытовую технику. Почему и на юге, и на севере от Перу все оказывалось значительно дешевле, чем в Лиме, для меня загадка, но что есть, то есть. Взяточничество процветало на каждом метре двух этих границ. На чилийской стороне можно было относительно дешево купить, например, микроавтобус, перегнать его в перуанскую столицу, оформить, опять же за взятку, в местной полиции все необходимые документы и заниматься, уже вполне легально, частным извозом на одном из наиболее загруженных маршрутов.

Это выгодный бизнес, потому что ремонт машин в Перу, как раз наоборот, почему-то необычайно дешев, да и умельцев сделать на колене из простой спички новую свечу зажигания, причем для любой модели автомобиля, множество. Десятки безработных ремонтников сидят на нескольких улицах Лимы, которые полностью состоят из одних мастерских, и ловят клиента.

Любимая уловка в этих районах – это когда группа подростков бежит за автомобилем и жестами показывает водителю, что у его машины что-то стряслось с колесом. Не дай бог поддастся на эту провокацию и остановиться – вас тут же облепит тьма голодных автоумельцев, которые обязательно найдут у исправного автомобиля какую-нибудь поломку, о которой вы и не догадывались, и тогда уж точно придется раскошелиться. Поэтому все восемь лет, что прожил в Лиме, я ездил только к одному и тому же мастеру, которого мне рекомендовал Боб, где дела велись предельно честно, солидно и за умеренную плату. Там же, кстати, без страха, что тебя надуют, можно было всегда поменять и доллары. А таких мест в Лиме, клянусь всеми святыми, не так уж и много.

Впрочем, прогулявшись по приграничным торговым рядам из чистого любопытства, мы вспомнили о главной цели, ради которой совершили серьезнейшее правонарушение. Себичерию мы нашли быстро, но, к нашему огорчению, держал ее не эквадорец, а перуанец, для своих же земляков-контрабандистов, так что все там делалось по классической перуанской рецептуре. Чтобы попробовать эквадорское себиче, как нам объяснили, надо взять такси и километров десять-пятнадцать проехать до более или менее крупного эквадорского населенного пункта. Там это извращение кулинарии и обитает.

С этим неожиданным препятствием мы легко справились, поскольку доллары берет и эквадорский таксист, а ни единого полицейского или военного патруля, который бы захотел проверить у нас документы, мы за время поездки так и не встретили. Хотя вообще-то путешествовали в «особо охраняемой» приграничной зоне.

Эквадорская забегаловка с виду ничем не отличалась от перуанской, если не считать главного блюда. Учитывая презрительное выражение на лице Боба, я сразу же оговорил условие, что заказ делать буду я. Не хватало еще драки на сопредельной территории!

Когда официант узнал, что я приехал специально, чтобы попробовать эквадорское себиче, он расцвел и предложил мне, как особому гостю, приготовить ассорти из разных блюд. Дополнительная реклама официанта – «пальчики оближете» – показалась мне, правда, сомнительной: так обычно рекламируют что-то сладкое, скажем блины с медом, но я мысленно решительно отмахнулся от всякой предвзятости. Иначе какая же это объективная дегустация.

Боб от приглашения заказать местное себиче, разумеется, отказался и попросил себе лишь сто грамм виски. Мне же через двадцать минут принесли на одном подносе пять или шесть небольших тарелочек, каждая из которых содержала по-разному приготовленное эквадорское себиче.

Признаюсь сразу – это был день полного триумфа Роберто, потому что я не смог доесть ни одного из кулинарных шедевров эквадорской кухни. Вся эта безвкусная или, в лучшем случае, сладкая жевка в ананасе, с дынями или с шоколадной подливкой вызывала у меня только

отвращение. Глядя на окружающих, которые с аппетитом поглощали все то же самое за соседними столами, я понял, что действительно сильно оперуанился. Нет, я не против селедки в винном соусе, но вареная рыба в шоколаде?

Весь дальнейший путь назад к границе, а потом через границу проходил под триумфальный свист Боба, который на радостях, что доказал мне всю ничтожность эквадорской кухни, исполнял поочередно то перуанский гимн, то популярную тогда в народе песенку «Ах, какие бедра у моей любимой крошки».

Джерри, как я и боялся, никто особенно не занимался. Спасибо, что хоть вывели разок на тюремную прогулку, а все остальное время он провел в закрытой машине, так что, отпущенный на свободу, пес долго носился кругами вокруг дома контрабандиста, разминая свои косточки.

Заночевали мы у того же подозрительного усатого субъекта, а наутро уже мчались в Кахамарку, которую не могли, разумеется, обойти вниманием, хотя для этого и пришлось сделать изрядный крюк.

Как можно было не заехать в то место, где закатилась звезда инкской империи?

18

Чтобы добраться до Кахамарки, пришлось временно съехать с Панамериканы и двинуться чуть вверх – Кахамарка расположена на высоте 2700 метров над уровнем моря. Для Перу не бог весть какая высота, так что «тойота» особых затруднений не испытала.

К тому же пейзаж начал меняться, а песок нам всем троим уже изрядно надоел. Чем выше мы поднимались, тем становилось веселее: появилась зелень, крестьяне на осликах, а местами начала радовать глаз и разноцветная бугенвиллия, которая обвивала буквально каждое маленькое строение. Да и воздух наполнялся какой-то прозрачностью и легкостью атмосферы предгорий. Появились и поля: мы въезжали в сельскохозяйственный регион, где мягкий экваториальный климат создавал идеальные условия, чтобы из любой палки, воткнутой в землю, что-нибудь да выросло.

В перуанской истории Кахамарка известна тем, что именно здесь произошла роковая встреча правителя инков Атауальпы с конкистадорами, во время которой он был пленен.

Впрочем, до этого трагического для инков момента прошло много насыщенных разными событиями лет. Город основан около 3000 лет назад. Более того, недалеко от Кахамарки, в Кумбе-Майо и Кунтур-Уаси, археологи находят следы дочавинских культур. Под влияние инков эти земли попали лишь в период между 1463 и 1471 годами, когда их завоевал талантливый полководец Тупак Инка Юпанки. С тех пор и эта земля стала частью обширной империи.

Здесь же, под Кахамаркой, в 1532 году между самим Атауальпой и его братом Уаскаром разрешился спор за императорский трон.

Упомяну все эти события не ради чьего-то хрестоматийного интереса, а просто размышляя вслух. Поскольку я сам до сих пор не вполне понимаю, как боеспособное войско Атауальпы в 80 тысяч человек, направлявшееся в Куско и остановившееся в Кахамарке на отдых, сумело уступить 168 конкистадорам во главе с Франсиско Писарро.

Битва началась не сразу. Сначала испанцы, как и приказали в Мадриде, вручили инкам послание, или, лучше сказать, ультиматум, испанской короны, которое я процитировал в эпилоге.

То, что Атауальпа это требование категорически отверг, неудивительно – за ним все-таки стояла целая империя, но вот почему предводитель инков затем столь опрометчиво принял приглашение посетить лагерь Писарро, уже прекрасно зная, что имеет дело с обычными грешными людьми, да еще и завоевателями, а вовсе не с богами, – не понимаю. Он же был все-таки не простодушным крестьянином, а крупнейшим по местным понятиям политиком.

В хрониках описывается, что посланный Писарро переговорщик, для того чтобы произвести угрожающее впечатление на Атауальпу, прищпорил и направил на него своего коня, остановив его лишь в последний момент, так что слюна коня попала на одежду Атауальпы. То есть угроза казалась очевидной. Инкский правитель не дрогнул, а испугавшиеся из его свиты были впоследствии казнены. Возможно, свою роль сыграла гордыня, победившая в душе Атауальпы осторожность. Он хотел показать подданным, что не виданный до той поры конь не страшнее здешней анаконды.

Иначе говоря, версия о том, что правитель инков отправился в лагерь Писарро, надеясь на мир, выглядит не очень убедительно. Атауальпа, повторяю, не был наивен. Стоит заметить, что, прежде чем отправиться в лагерь Писарро со своим ближайшим окружением, он приказал своему главнокомандующему отрезать пути отступления конкистадорам. Значит, не исключал ловушки. И все-таки добровольно в нее пошел. Почему?

Боб не понимал этого тоже, что выразилось в жесткой фразе, достойной римских мудрецов: «Бывают времена, когда оливковую ветвь мира надо засунуть в задницу и браться за топор». В устах не очень образованного индейца это звучало немного забавно, но, поскольку про «оливковую ветвь мира» я как-то рассказал ему сам, меня это не удивило.

Неясно и то, почему Атауальпа согласился войти в лагерь Писарро в сопровождении безоружной свиты.

Короче говоря, загадок здесь до сих пор больше, чем ответов. Мы знаем лишь, чем закончилась эта авантюра. Испанцы напали на безоружных индейцев, зверски их перебили – около семи тысяч человек, а самого Атауальпу взяли в плен, потребовав за него выкуп. Оставленные предводителем инков войска, опасаясь за жизнь Атауальпы, брать штурмом лагерь Писарро не решились.

Согласно хроникам, пленник обещал за свое освобождение заполнить комнату, в которой его держали прикованным к стене цепями, золотом до потолка. Испанцы согласились, индейцы выполнили это условие. После чего конкистадоры, наплевав на свое обещание, Атауальпу казнили. Прямо в главном храме Кахамарки.

Все-таки недаром конкистадоры не вызывают в Латинской Америке ни малейшей симпатии.

Сегодня место заключения Атауальпы показывают каждому заезжему туристу. К сожалению, как правило, людей поражает не то, что в этой комнате прощался с жизнью последний правитель империи инков, а то, что она когда-то была доверху набита золотом. И уж тем более никому не приходит в голову, что нынешняя демократическая Испания должна была бы по справедливости выплатить перуанцам, да и не только им, а многим странам Латинской Америки, немалую компенсацию за все те беды, что принесла испанская корона на эту землю.

Очередь в знаменитую комнату, как всегда, оказалась большой, но только мы с Бобом вошли туда с цветами, чтобы положить их к стене, у которой конкистадоры мучили Атауальпу.

19

Обратно в Лиму мы добрались быстро. За руль сел Боб, который и так водит машину как профессиональный автогонщик, а теперь еще такая радость: после убедительной победы над эквадорской кухней мы ехали к его приятелю в турецкую баню, чтобы отведать лучшего перуанского себиче.

Как и всегда в таких случаях, я предпочел перебраться назад. Во-первых, следовало утешить обиженного на весь свет Джерри – мало кому понравится сидеть взаперти в машине. Боб, правда, и здесь не преминул уколоть бедного терьера, назвав его «собачьим Атауальпой». А во-вторых, чтобы спасти английского джентльмена от травм: если бы я всю дорогу крепко не держал его на руках, то бог знает куда бы улетал на крутых поворотах при такой лихой езде

несчастный пес. Боб явно поставил перед собой задачу довести нас за день от эквадорской границы до турецкой бани, сколько бы шишек мы с Джерри при этом ни получили.

И он своего добился. Еще засветло мы влетели в Лиму, а когда начало темнеть, подъехали к бане. Новость о триумфе перуанского себиче тут же облетела, благодаря приятелю Боба, всех сотрудников бани, так что нас встретили как героев. Даже несчастного пса, не спрашивая меня, тут же ухватили за шкурку и поволокли сначала мыть, а потом на кухню. Ну а меня, торжественно обрядив в белые простыни, провели в баню с такими почестями, будто я был турецким пашой, одержавшим славную победу над неверными.

В это позднее время мы в бане оказались единственными посетителями, поэтому со всем возможным комфортом смыли с себя дорожную грязь и оттянулись в парилке по полной программе. Апофеозом стал королевский ужин, центральным блюдом которого было, разумеется, «без всяких там обезьяньих глупостей» перуанское себиче с пивом.

Только часам к двум ночи, изрядно уставшие и окосевшие от приема в турецких банях, мы добрались до дома. Не сговариваясь, мы с Бобом категорически отказались от ночевки в помещении, вытащили матрасы во внутренний маленький садик и заснули: я под оливой, а Боб под бананом. Нос Джерри, как обычно, тут же приник к моему лицу. Последнюю мысль, что промелькнула у меня в тот день в голове, помню отчетливо: почему и от терьера так разит пивом?

Удивительно, но пахло пивом от джентльмена и на следующий день. Как выяснил позже Боб, сам заинтригованный этой загадкой, развеселившиеся не в меру повара в турецкой бане устроили терьеру ванну из королевской смеси шампуня и пива. На шампанское денег у них не хватило.

Джерри этой шутки не оценил, а потому еще неделю подозрительно обнюхивал себя, пока наконец не обрел свой исконный английский дух.

За завтраком было решено несколько дней отдохнуть, съездить на рынок пополнить запасы, а затем продолжить наш путь по песочнице уже на юг, к чилийской границе, в Ило. Там в большом военном гарнизоне служил знакомый индейца, танкист капитан Рамирес. Недавно у него после четырех девиц подряд родился наследник, так что следовало обязательно заехать и поздравить счастливицу. Подарок отцу Боб уже купил. Это был радиоуправляемый танк – единственное, что мы приобрели по ту сторону эквадорской границы.

На мой взгляд, презент большой оригинальностью не отличался, но Бобу виднее. Если танкисту Рамиресу после работы хочется поиграть в танчики еще и дома, что же, он, вероятно, правильно выбрал себе профессию.

И недаром, конечно, так ждал сына. То есть, как и сам Боб, капитан Рамирес, судя по всему, был настоящим перуанским мачо.

Это, конечно, уже не очень модно в Западной Европе, но в Латинской Америке, где в большинстве семей все еще царит облегченная версия домостроя, другим настоящего мужчину общество пока не представляет.

20

Во время обычного предпоходного визита на местный рынок – а рынок это почти везде клоака, хотя и с местными особенностями, – командовал, разумеется, Боб. Он знал, что нам надо, знал, где купить действительно качественный продукт, а главное, его было невозможно обмануть в цене.

Мое длительное пребывание в Перу, конечно, сказывалось, так что и меня обманывали не так беззастенчиво, как туриста, но все равно добиться от продавца справедливой цены мне удавалось крайне редко. Моя обычная фраза перед тем, как начать препираться: «Я здесь живу восемь лет, так что не надо мне вашу курицу выдавать за павлина», – давала скидку где-то про-

центов на десять, не более. Дальнейшие препирательства могли понизить цену еще процентов на пять, но это был предел.

При появлении Боба цена сразу же падала на половину, а когда он открывал рот, еще на треть. Так что единственная ниша на рынке, которую оставил мне индеец, это покупка еды для собаки. Этот вопрос его просто не интересовал.

Конечно, и в Лиме есть специализированные магазины в богатых кварталах, где продается обычный по нынешним временам собачий корм, да еще зарубежных марок, но мы с ветеринаром Джерри сразу же решили, что ничего лучше натуральных продуктов нет, да и дешевле обходится как для кармана, так под старость и для собачьего здоровья. Поэтому терьер с детства ел то, чем обычно кормит своих собак перуанский средний класс.

Меню было предельно простым. На рынке в мясном отделе покупались куриные головки и лапки – как никчемный товар, они продавались отдельно и очень дешево. Из них готовился бульон, куда добавляли местную сладкую картошку камоте, в которой, как говорят, масса разных полезных веществ. Этот куриный суп и составлял обычный рацион Джерри.

Правда, самый первый опыт такой кормежки чуть было не закончился для него трагически, но он в то время был еще щенком. То ли малыш тогда сильно проголодался, то ли просто из-за отсутствия серьезных зубов не мог разгрызть куриную голову, но он сразу же попытался проглотить всю добычу целиком. Это было неверное решение, потому что где-то посреди его щенячьей глотки куриная голова застряла. На первый взгляд выглядело это даже смешно, поскольку очень напоминало рисунок из «Маленького принца» Экзюпери – помните удава, проглотившего слона?

Но смешно было только в первый момент, потому что Джерри начал задыхаться и его требовалось немедленно спасать. Тогда-то впервые я и воспользовался тем способом, который позже обычно применял, чтобы вытряхнуть из шкуры английского джентльмена песок, – схватил щенка за задние лапы и в отчаянии начал его безбожно трясти. Как ни странно, помогло.

Причем курица проскочила – вопреки законам физики – не наружу, а внутрь, так что рисунок удава, проглотившего слона, лишь слегка изменился. На животе щенка отчетливо проступала куриная голова с клювом. Но главное, пес мог дышать! Какое-то время английский джентльмен, приходя в себя, сидел молча, а потом завыл, жалуясь на свою судьбу королеве Элизабет. Видимо, щенок откуда-то знал, что она старая собачница и держит около тридцати собак. Именно тогда я и полюбил это непутевое существо по-настоящему. И в первый раз взял его спать в свою кровать.

Больше таких казусов не повторялось. И пес стал осторожнее, и я стал класть в суп куски поменьше, да и терьер все-таки постепенно подрос.

Короче, куриные головки и камоте – вот и все, что доверял мне покупать на рынке самостоятельно Боб. В остальном я использовался лишь как носильщик.

Набор, который мы обычно берем с Бобом в дорогу, неприхотлив: картошка, кукуруза, бобы, мясные консервы, питьевая вода в большом баллоне, соль, сахар, чай, кофе, пара бутылок виски, курево, кое-что еще. И обязательно мешочек разных лечебных трав – таблетки Боб не признает.

Ну а если едем в горы, то обязательно еще и листья коки. Наркоманом они вас не сделают, зато на предельной высоте в Кордильерах, когда начинает дико болеть голова (на местном жаргоне это называется «сороче»), лучшее средство от недуга – пожевать листья коки. Испробовано многократно.

Конечно, на том же рынке продавали среди лечебных трав и всякую дрянь, причем в немалом количестве, которую местные старушки выдают за чудесное снадобье, но индеец знал большинство трав на ощупь и по запаху, так что обмануть его было трудно. Позже в дороге эти травки нам не раз помогали избавиться от бессонницы, остановить кровь из пореза, побороть лихорадку, успокоить желудок и т. д.

Не помню случая, чтобы нам пришлось обращаться к врачу-аллопату. Один раз, когда у меня в горах вдруг всерьез прихватило поясницу, Боб часа на три куда-то исчез, а потом вернулся с шаманом. Уж и не знаю, как он там колдовал с моей поясницей, потому что ни разу к ней даже не прикоснулся, а я, лежа на животе, естественно, ничего не видел, но боль действительно исчезла. Причем не на день, а навсегда.

21

Вернувшись с рынка, каждый из нас занялся своим делом. Боб, взяв «тойоту», куда-то умчался, Джерри побегал проверять крысиные норы, а я сел листать потрепанную телефонную книжку – хотелось повидать нескольких старых знакомых. В моем мобильном этих имен уже не было, так что пришлось воспользоваться антиквариатом.

Заодно я бродил по арендованному дому и впервые рассматривал его внимательно. Когда я пару недель назад его снял, то сделал это на бегу: туалет работает, кухня функционирует, садик для Джерри есть – вот, собственно, и все, что меня тогда интересовало. А теперь с удивлением обнаружил, что снял впопыхах примерно то же самое, что с немалым трудом выбирал несколько лет назад, а потом по разным причинам не раз менял.

Наемное жилье – это не дом, который ты сам строишь или снимаешь надолго, обживая годами. Не ты выбираешь обстановку, вот, например, это огромное зеркало в помпезной резной раме или портрет неизвестного молодого человека в буклях а-ля Франция XVII века. Не ты покупал это шикарное изогнутое кресло, которое хозяин покрыл прочной прозрачной пленкой, чтобы жильцы не испортили цветастую обивку. Или эта огромная люстра в гостиной, которая по размерам и стилю годится разве что для средней руки провинциального театра, но никак не для жилого дома. И при этом ни единого книжного шкафа, вообще ни одной книги. Модные глянцевого журналы лежали на журнальном столике, большой кулинарный справочник – на кухне. Но книги – их просто не было.

Интеллектуалы есть, конечно, и в Перу, но в обычном жилище книги здесь не водятся. Конечно, хозяева, как и Боб, читают что-то, купленное по соседству в журнальном киоске, а потом обычно выбрасывают это чтиво в помойное ведро. А вот в книге, которую хотелось бы сохранить, то есть в умной книге, местный обыватель нуждается редко.

Сейчас меня это интересовало из чистого любопытства, поскольку дом служил лишь редким приютом между нашими странствованиями, но как я умудрялся жить в такой бутафорской роскоши много лет подряд? Наверное, много работал, а потому, возвращаясь домой, даже не замечал того, что мне всучил хитроумный риелтор. Все это вместе: фальшивую псевдохрустальную люстру, аляповатый портрет, вычурное кресло, дикое зеркало и т. д. – входило в стандартный пакет вместе с холодильником, плитой и кроватью, застеленной дешевым бельем в мелкий цветочек.

Потом я вспомнил многие дома своих случайных знакомых, и наконец до меня дошло: мне предоставлялась лишь возможность выбрать за относительно небольшую плату классическое жилье среднего перуанца. С его представлением о красоте и уюте. Другого просто не предлагалось. То есть другое, конечно, существовало, но не входило в число тех помещений, что сдают в аренду. Тем более за те деньги, которыми я располагал.

И мне сразу же захотелось к тем старым друзьям, в доме которых я видел много, очень много книг.

Застать Серхио Толедо я не смог, по его телефону отвечал чужой голос. Единственное что знала женщина, с которой я говорил, это то, что семейство Толедо переехало в Коста-Рику. Мой приятель действительно давно подумывал туда перебраться – еще в самый разгар в Перу терроризма. Желание понятное, после многих лет испытаний хотелось пожить в покое. А Коста-Рика в этом смысле – латиноамериканский рай. Там нет даже своей армии. И вообще

ничего не происходит. Правда, это чем-то напоминает дистиллированную воду, а пить ее долго, на мой взгляд, и неприятно, и опасно. Но – дело вкуса.

Серхио был когда-то модным левым журналистом, политологом, страстным поклонником Троцкого – таких в Латинской Америке до сих пор немало, да еще начинающим писателем. В политике у нас взгляды не совпадали, а вот в литературе и живописи мы часто восхищались одним и тем же. Он мне даже подарил первый сборник своих новелл с ободряющими словами: «Одну книгу о своей жизни может написать каждый». Позже я его советом воспользовался.

Отъезд Серхио меня расстроил, а старая телефонная книжка начала пугать своей пустотой. Выбрасывать ее я не стал, но пошел и спрятал с глаз долой, засунув между старыми глянцевыми журналами в гостиной.

Ну и ладно, подумал я. Пройдусь не по знакомым людям, а по знакомым местам, они-то уж точно не переехали в Коста-Рику. Но в тот день так никуда и не вышел. Просидел в садике под каким-то нелепым оранжевым абажуром, зато в компании с Роменом Ролланом и любимым «Жаном Кристофом», который как-то незаметно стал моей постоянной дорожной книгой.

22

К вечеру Боб не вернулся. Не вернулся и на следующий день, но это меня не волновало, я знал, что к моменту отъезда придут и он, и «тойота». А пока его отсутствие даже радовало – было несколько мест в Лиме, с которыми мне хотелось повидаться без свидетелей.

Вообще, конечно, как и почти всякий латиноамериканский город, Лима, основанная в 1535 году самим Франсиско Писарро и ставшая через пять лет столицей всех испанских колоний, за прошедшие века изрядно растратила свою былую красоту. Это когда-то Лима носила славный титул «прекрасного, восхитительного, верноподданного города королей». Но морщины изрядно изуродовали ее лицо.

Сегодня в перуанской столице проживает около восьми миллионов человек, и, подозреваю, немалая часть этих жителей, да простят меня все остальные честные, порядочные и святые граждане Перу, живет в основном мошенничеством и воровством.

За восемь лет жизни в Лиме у меня с руки содрали штук шесть часов (при этом иногда оставляли на руке грязные царапины, которые потом долго гноились), украли несколько бумажников, сняли с машины пару колес, однажды ограбили дом, взломав решетки на окнах и унеся при этом все украшения жены, в том числе и ее обручальное кольцо – она как раз в это время в больнице готовилась к операции.

Часы, правда, жалко разве что самые первые, они действительно были приличными, все, что я покупал потом, являлось лишь хорошей подделкой. Но и блестящую подделку, как выяснилось, лучше не надевать. Вор, как обезьяна, тащит все, что блестит.

В конце концов я пришел к выводу, что, когда ты направляешься в старый город, надо одеваться как можно хуже. На руку надевать лишь самые невзрачные, пластиковые часы – они никого не интересуют, на шею не рекомендуется вешать вообще ничего, разве что соломенный крестик, а в кармане лучше держать лишь самую мизерную сумму. Ну а машина должна иметь кондиционер и всегда наглухо закрытые окна.

Впрочем, ради справедливости замечу, что, как и во всякой другой столице мира, в Лиме один район города не похож на другой. В комфортабельных, зеленых, ухоженных районах богатых вилл, шикарных магазинов и дорогих гостиниц, вроде районов Мирафлорес, Сан-Исидро или Барранко, можно, конечно, тоже нарваться на неприятности, но это редкий случай.

Беда, однако, в том, что самое интересное, на что стоит посмотреть туристу, находится как раз в старом городе. А там берегись. Хоть перед президентским дворцом, хоть на красивой в прошлом площади Сан-Мартин, которая сегодня переполнена жульем, хоть в главном столичном храме, хоть на пешеходной улице Хирон-де-ла-Унион в самом центре города.

Людам с чувствительным носом в центр города вообще рекомендую не ездить – обилие мусора превосходит здесь все возможные пределы, а вся центральная часть «прекрасного, восхитительного, верноподданного города королей» за века изрядно провоняла мочой. Так что от Лимы не надо ждать никаких чудес, ее надо воспринимать такой, какая она есть. А еще лучше для туриста не выходить за пределы безопасных, красивых и ухоженных районов.

23

Впрочем, я не турист, так что ни малейшего желания в сотый раз полюбоваться на городские древности, указанные в путеводителе, у меня не было. В городе и без того хватало мест, связанных с моими личными воспоминаниями, а потому дорогими только мне. С ними и хотелось попрощаться. Например, с парком старых олив, посаженных еще испанскими конкистадорами.

Когда-то, увлеченный японскими бонсаями, я старательно отковырял от корешков этих аристократических олив восемь небольших отростков, долго держал их в воде в ожидании корней, а потом посадил в землю под окнами дома, где прожил несколько лет. Когда саженцы чуть подросли, я попытался пересадить их в специальные горшки и «воспитать» настоящими японцами. И хотя действовал строго по книге, что-то делал явно не так, потому что все мои попытки закончились провалом.

Вернее, три попытки, потому что остальными отростками, которые прекрасно чувствовали себя в земле, я решил не рисковать. Как Господь, я милостиво назначил их семьей Ноя и предоставил им шанс жить как придется. С тех пор прошло больше шести лет, и я страстно хотел теперь узнать, прижились ли мои крестники.

Когда я подошел к тому старому дому, то увидел чудо – все пять олив не только вытянулись и окрепли, но на некоторых из них виднелись уже и первые плоды. Я долго перебирал их руками, не веря тому, что все это сотворил сам.

Не буду утверждать, что исполнил вокруг своих олив пляску счастливого отца, как сделал это когда-то под окнами роддома, откуда любимая женщина мне показала впервые дочь и сына, но чувства, ей-богу, оказались чем-то схожими.

Почему я не стал садовником, подумал тогда я. Почему? Тем более если «жизнь есть сон», как утверждал экзистенциалист Мигель де Унамуно.

Хорошо, что в этот момент рядом не оказалось Боба, уж он-то точно сказал бы по поводу этой «зауми» все, что думает. Он на земле стоял твердо без всякого там экзистенциализма. Хотелось бы, чтобы и мои оливы так же уверенно чувствовали себя на этой земле.

Поэтому, воспользовавшись отсутствием Боба, я даже осмелился постучать в дверь, чтобы попросить хозяина не трогать в будущем мои оливы.

На удивление, дверь открыла весьма пожилая леди, которая когда-то и сдавала дом. Успокоив меня по поводу судьбы деревьев, она с надеждой поинтересовалась, не хочу ли я снова снять ее жилище, а узнав, что я в Перу лишь на пару месяцев и живу у друзей (не мог же я ей сказать, что нашел другой дом с люстрой), страшно огорчилась. Видно, мои деньги были бы старушке очень кстати. Вспоминать нам двоим было, собственно, нечего, разве что вечные проблемы со старым краном на кухне, но из вежливости мы долго топтались около подъезда, оба судорожно вспоминая какие-то выдающиеся моменты из нашего общения.

Наконец лицо старой леди неожиданно просветлело, она явно вспомнила что-то сногшибательное. А затем задала вопрос, которого я уж точно не ожидал услышать. «Не вы ли тот сеньор, чья собака умеет бегать по воде?» – с огромной заинтересованностью спросила старушка. Так я понял, что мы с Джерри уже вошли в легенды старого города.

Дело в том, что по соседству находился небольшой муниципальный парк – его я как раз намеревался посетить после олив, – где когда-то находилось искусственное озеро, густо

заросшее очаровательными розовыми лилиями. Их огромные плотные листья покрывали всю поверхность воды, поэтому однажды, еще щенком, мой терьер принял озеро за лужайку и помчался по нему за каким-то залетевшим туда шариком, ничуть не сомневаясь, что под его лапами земная твердь.

Христу пришлось, конечно, труднее, он шагал не по озеру, полному лилий, да и вера у него была, естественно, крепче. Но и Джерри каким-то чудом промчался по воде метров десять, пока вера в земную твердь не начала его постепенно покидать, а закон Ньютона тянуть вниз. Ошеломленная местная публика, по большей части, конечно, глубоко верующая, оценила подвиг английского джентльмена как настоящее чудо и на вторую часть представления, когда я был вынужден по пояс влезть в воду, чтобы спасти запутавшегося в лилиях щенка, не обратила, судя по всему, ни малейшего внимания.

Вообще вера перуанцев в чудеса безгранична. То они обнаруживают образ богородицы в каком-то доме, где облупилась штукатурка, то украшают цветами старое дерево, потому что на его коре проступил лик Иисуса. О бесконечно плачущих иконах то в одном храме, то в другом даже не говорю. В одной провинциальной католической церкви я обратил внимание на то, что очередь из местных жителей (куда больше, чем к алтарю) выстроилась к странному застекленному ящику, в котором на бархатной черной подстилке покоился чей-то череп. Сначала я решил, что увидел останки древнего святого, но затем выяснилось, что это череп умершего пару лет назад местного полицейского. Почему-то считалось, что прикосновение к этому ящичку избавляет от массы болезней.

Терпение и гибкость католической церкви не имеет пределов. «Что поделаешь, – хладнокровно ответил на мое недоумение местный падре, – может быть, он еще при жизни был святым. Ни мне, ни Господу, – тут он вежливо перекрестился, – этот фетиш не мешает. Знаете, здесь все в основном индейцы. Я не скажу, что они не католики, но ведь продолжают верить и в своих старых божков».

Именно тогда моя уверенность в том, что Перу – это один из важнейших оплотов католицизма в мире, сильно пошатнулась.

Того чудесного пруда, по которому бегал щенком Джерри, я на месте уже не застал. Власть в муниципалитете сменилась, и новые хозяева района решили сделать там детскую площадку. Тоже дело, безусловно, важное, но пруд был все-таки краше.

Да и вообще негоже уничтожать место, где совершались чудеса, достойные всех святых. Пусть бы эти муниципальные бюрократы сами попытались пройти по воде хоть пару метров!

24

Мое сентиментальное путешествие по старым местам прервал голод, который действительно напомнил, что пора обедать.

Конечно, рядом на выбор была куча ресторанов: и великолепный аргентинский «El Gaucho» – лучше мясо готовят разве что в соседнем с Аргентиной Уругвае, – и неизменная себичерия, и японский уютный уголок, где можно было отведать прекрасное суши, и куча китайских забегаловок, где я неоднократно бывал. Правда, перуанская китайская кухня – это уже не чисто китайский вариант. Я не великий специалист, но это тот редкий случай, когда местные повара улучшили оригинал, добавив массу разнообразных перуанских приправ. Но...

Но раз уж это день воспоминаний, решил я, то лучше немного потерпеть и прокатиться за город, в район, где обычно отдыхает перуанский средний класс, не имеющий собственных вилл с хорошим бассейном и садом. Загородный ресторан, куда я хотел попасть, потому что много раз по выходным дням и сам приезжал сюда с женой и детьми, назывался непритязательно «Granja-24». 24 – это просто 24-й километр от Лимы, а слово «гранха» означает ферму.

Это действительно неплохое место, расположенное не очень далеко от столицы, и, в отличие от Лимы, над которой слишком часто висит смог, всегда солнечное, а главное притягательное для детей практически любого возраста. Под разноцветными зонтами ресторанные столики, большое зеленое поле для игры в футбол, бассейн, несколько пони, на которых под присмотром взрослых всегда может в ковбойской шляпе прокатиться малыш, маленький детский гольф, а главное, целый зоопарк разнообразной живности.

Я говорю не о попугаях, которые просто перелетают здесь с фикуса на акацию, потом на бугенвиллию или тюльпановое дерево, а о настоящем зверье. Здесь прижилась даже пума, правда с тщательно подстриженными когтями, а еще были ламы, антилопы и леопард, хотя эту зверюгу от греха подальше держали в надежной клетке и в некотором отдалении от зрителей. Все-таки дети. Особенно малышей сместили пингвины Гумбольдта, для которых владелец ресторана расщедрился и выстроил маленький бассейн. Они, неуклюже семеня, забирались на маленькую горку, с которой потом скатывались под радостный визг детворы в воду. Ясно, что в такое место и дети, и их родители всегда ездили с удовольствием.

Отдельную радость доставлял бассейн с окнами, которые позволяли со стороны видеть все, что происходит на глубине. Не было большего восторга, чем нырнуть с детьми к этим окнам, чтобы сделать страшную рожу, пока кто-нибудь снаружи тебя фотографировал. Эти забавные снимки украшают в Лиме, думаю, многие домашние альбомы.

Все было на своем месте, но я забыл о расписании, поэтому приехал в будний день, так что ферма пустовала. Я оказался единственным случайным посетителем. Взрослые перуанцы работали, а маленькие учились или гуляли с няньками. Я говорю, разумеется, о среднем классе, который, к сожалению, вовсе не представляет все население Перу – страну далеко не богатую, с множеством безденежной и безграмотной бедноты. Им «Гранха-24», конечно же, не по карману.

Я по старой привычке немного поиграл с пумой, осторожно прошел мимо загона с ламами, которые, как и верблюды, очень любят неожиданно плевать, забил пару мячей в пустые ворота и поплавал в пустом бассейне. Все равно скучно.

Поговорил с хозяином. Он пожаловался на соседей, которые чуть дальше по дороге строят нечто похожее на его заведение. Так что появляется конкуренция, а значит, доходы со следующего года точно упадут.

– Даже слона где-то раздобыли, – посетовал хозяин, – а дети, конечно же, потянутся к слону. Может, съездить в индийское посольство? – с надеждой в голосе спросил он.

– Возможно, – согласился я, но на всякий случай взял у него телефон, чтобы передать Бобу. Слона не слона, но тапира или удава индеец при его-то связях вполне может достать. И хозяину будет приятно, и Роберто подработает.

Короче, полное разочарование. Быстро и без всякого аппетита съев курицу, поджаренную на вертеле, я поймал попутку – какой-то разбитый пикап – и отправился домой.

Шофер оказался большим занудой, поэтому все время говорил только о своих лысых покрышках и о том, что в моторе что-то подозрительно стучит. Полагаю, весь этот разговор он затеял только для того, чтобы содрать с меня за проезд как можно больше. Правда, мотор у пикапа действительно колотило так, будто старого сердечника загнали на Джомолунгму. Так что, когда мы добрались наконец до дома, я расплатился в меру своих возможностей максимально щедро.

Но как же я был рад, когда выяснилось, что Боб уже вернулся, а у дверей меня встретил терьер с очередным крысиным трофеем в зубах.

Все-таки человек не может быть один. Вы бы видели, как мы с рыжим джентльменом вместе радовались этой очередной дохлой крысе. Как Том Соьер и Гекльберри Финн. Настолько, что даже индеец расплылся в редкой для него улыбке.

Довольно быстро выяснилось, что мы все трое свои дела в столице закончили раньше намеченного срока, а потому могли уже завтра выехать по направлению на юг, к чилийской границе.

25

Выехать из Лимы на север куда легче, чем на юг. В этом направлении дорога довольно долго ведет к аэропорту, так что трасса всегда изрядно перегружена, причем самым разнообразным транспортом: трейлерами, разнокалиберными грузовиками, микроавтобусами, не говоря уже о разношерстной «толпе» частных автомобилей и такси разного возраста. От самой современной шикарной и дорогой модели до транспортного средства, выпущенного еще во времена, близкие к эпохе Юлия Цезаря. Все это месиво медленно передвигалось по раздолбанному шоссе, да к тому же беспрерывно и бессмысленно гудело, выражая свое раздражение.

Смотреть не на что абсолютно. И справа и слева лепились вперемешку какие-то сараи, склады, мастерские и странные дома, у которых вместо крыши виднелась забетонированная площадка с остатками опалубки и торчащими ржавыми железными прутьями арматуры. Долго по наивности я полагал, что все эти дома действительно недостроены, пока один знакомый юрист не ввел меня в тонкости местного законодательства. Пока у дома нет нормальной крыши, он юридически считается все еще строящимся, а значит, с владельцев строения, которые там живут, нельзя брать соответствующий налог на недвижимость. Вот перуанцы, небогатый, но хитроумный народ, и предпочитают красоте выгоду, а потому здание без нормальной крыши стоит порой годами.

Эта хитрость прекрасно известна местным властям. Но я уже говорил, что отношение к закону в Перу не самое строгое. Так что одни делают вид, что строят, а другие делают вид, что в это верят. А в результате дорога в аэропорт окружена этими нелепыми сооружениями, где два первых этажа – нормальные жилые помещения, а третий этаж – перманентная грязная стройка. Строительный мусор на крышах пейзаж, конечно, не украшает, но помогает в разговоре с налоговым инспектором.

Собственно говоря, по дороге в аэропорт есть лишь одно развлечение, которого многие с нетерпением ждут. Посреди и без того перегруженной трассы расположился могучий двухметровый индеец (ничего подобного, кстати, я среди перуанцев не видел) с лопатой, киркой, мешком цемента и тазиком воды. Изо дня в день он занят – не без выгоды для себя – совершенно нелепым, сизифовым трудом: сначала раскапывает яму прямо посреди трассы, создавая в пробке дополнительный затор, а затем начинает ее тут же закапывать и цементировать.

Потом какое-то время отдыхает, растянувшись во весь свой огромный рост посреди трассы рядом с тазиком с водой. Таз служит и для питья, и для цементных работ, и для сбора дани. Все проезжающие бросают в тазик мелочь. Кстати, полицейские, сам видел, бросают тоже. Это что-то вроде местного аттракциона.

Помню, когда парень впервые появился на трассе, его страшно ругали (новички проклинают и сейчас), но потом народ к этой фантастической наглости и бессмысленному трудолюбию привык. И теперь, уже безмерно скучая по дороге в аэропорт – а для многих это путь практически ежедневный, – все с нетерпением ждут момента встречи с Сизифом. Он стал местной достопримечательностью и вызывает у большинства не раздражение, а смех или, по крайней мере, улыбку.

На этот раз мы оказались рядом с Сизифом во время его краткого отдыха. Он только что законопатил свою яму и, дожидаясь, пока цемент затвердеет, сладко дремал, раскинув свое мускулистое тело прямо посреди дороги. Тазик стоял рядом, уже наполовину полный монетами. Бросили свою дань уставшему Сизифу и мы с Бобом.

Первое неприятное приключение произошло где-то километра через полтора после встречи с Сизифом. Впереди меня тащилось нечто, формально называемое такси – когда-то в далекой молодости желтый «жучок»-«фольксваген», проржавевший настолько, что части его корпуса были соединены между собой проволочками, а задний бампер без особых претензий привязан обычной бельевой веревкой. Его дедушкой был, видимо, паровой автомобиль.

Мы с Бобом довольно долго любовались этим виртуозным долгожителем, пока он вдруг резко не затормозил и я, среагировав с небольшим опозданием, слегка не толкнул динозавра в задний бампер, из-за чего левая крепежная бельевая веревка порвалась. Никаких других повреждений при осмотре ветерана не обнаружилось. На бампере «тойоты» не осталось вообще ни малейшей царапины.

А вот дальше начался концерт. Молодой нагловатый водитель динозавра, увидев иностранца, судя по всему, решил за мой счет обновить весь кузов своей проржавленной тележки, а потому потребовал компенсацию в каком-то запредельном размере. Напрасно я указывал на то, что не лопнула даже ни одна проволочка, соединявшая детали его ржавого автомобиля (да простит меня господин Генри Форд за использование в данном случае слова «автомобиль»),

– Нет, вы только посмотрите, – зывал парень ко всем проезжающим мимо, – раз он иностранец, так может гробить мою замечательную тачку. Кому я ее теперь продам? – вопрошал он так, будто речь шла о дорогу-щем импортном джипе.

Затем последовала очередная фаза скандала, когда он требовал присутствия полиции, а я посылал его куда-то далеко к Эйфелевой башне, в запале перепутав его проржавевший «фольксваген» с «пежо».

Так бы продолжалось, наверное, еще долго, но Бобу в конце концов этот концерт надоел. Сначала он подошел к пострадавшей повозке и снова привязал к ней задний бампер той же самой бельевой веревкой, а потом, отодвинув меня плечом и вынув из кармана какое-то удостоверение, перешел к приватному разговору с водителем такси. Я, обрадованный подмогой, ретировался в «тойоту», чтобы с облегчением и любопытством наблюдать оттуда за дальнейшим развитием событий.

Нужно было видеть, как на глазах пропадает у скандалиста весь пыл, пока он наконец не стал перед Бобом оправдываться и, похоже, молить о пощаде.

Секрет был простым. Я легко догадался, какой документ предъявил «пострадавшему» Роберто. Его карманы, как и карманы незабвенного Остапа Бендера, были набиты всяческой липой, которую в Лиме изготавливают практически в каждом месте, где вы заказываете себе визитки. Фальшивые документы и печати перуанцы делают виртуозно. На этот раз Боб наверняка воспользовался липовым удостоверением полицейского, и теперь наглец из ржавого «фольксвагена» умолял Роберто не заставлять его платить штраф за то, что он использует транспортное средство, которое явно не отвечает элементарным требованиям безопасности на дороге.

Думаю, что самым трудным в данном случае для Боба было отказаться от взятки. Не потому, что так он нарушил бы какие-то свои моральные принципы, а потому, что перуанский полицейский, не берущий взятку, – это нонсенс. Боб-«полицейский» тем самым просто вышел бы из образа, а значит, мог раскрыть свой блеф.

В конечном итоге каким-то чудом Бобу все-таки удалось отвертеться от получения взятки. Даже я вздохнул с облегчением: брать деньги с водителя такой машины действительно грешно. Мы разъехались мирно, а моя вера в сверхъестественную способность индейца выкручиваться из разнообразных деликатных ситуаций еще больше возросла.

Что до фальшивок, то однажды специфическими связями Роберто пришлось воспользоваться даже мне. Случилось это, когда я еще работал в Перу и, выполняя поручение своей московской конторы, пытался провернуть вполне законную сделку через местных юристов. Каково же было мое потрясение, когда в нотариальной конторе вдруг потребовали на одном из документов поставить большую гербовую печать нашего центрального офиса в Москве. Ясно было, что в лучшем случае это займет месяца три, а в худшем начальство просто пошлет меня куда подальше.

Здесь-то и помогли мой прирожденный авантюризм и связи Боба. Забрав у меня мой главный документ – аккредитацию для местного МИДа, где стоял оттиск подлинной большой гербовой печати, через пару дней Боб вернул мне саму аккредитацию и торжественно вручил печать, которая ничем не отличалась своим оттиском от московской – той, что обычно хранится у высшего начальства «в сундуке под семью замками».

Когда я представил нотариусу нужный документ с требуемой печатью, он, раскрыв глаза от изумления, сумел пролепетать только одно: насколько он восхищен работой советских учреждений.

27

Вырвавшись из аэропортовской пробки, мы устремились к Ике. К загадке камней, которые будоражат многие умы не меньше, чем НЛО.

По дороге я хотел заглянуть к одному влиятельному в Ике человеку, бывшему депутату от коммунистов, а ныне просто латифундисту дону Карлосу, с которым мы когда-то сломали немало политических копий в различных теледебатах. Мой интерес к политике с того времени, правда, сильно охладел. Его, как я надеялся, тоже. Все-таки землевладелец, занятый выращиванием хороших оливок и маслин, производством виноградной водки писко и плохого, но дешевого вина должен, как я полагал, теперь больше думать о хозяйстве, чем об эфемерных политических баталиях. Тем более, как показало время, в Перу они точно так же, как и почти во всем мире, ни к чему не приводят. Вдруг его помощь понадобится, когда мы займемся коллекцией камней Ики?

С дороги я позвонил Карлосу, и он, обрадованный тем, что мы как-то скрасим его провинциальную скуку, выехал нам навстречу. Скоро нас встретил его джип-«чероки». Сам он был в ковбойской шляпе, джинсах и мексиканских узорчатых сапогах, что наглядно свидетельствовало о том, что Карлос так и остался пижоном. Даже будучи левым депутатом, он носил в парламенте самые дорогие костюмы и галстуки из Парижа.

Помнится, однажды, когда мы вдвоем после очередной идеологической потасовки на местном телевидении забрели в какой-то бар и крепко там набрались, я спросил Карлоса, почему столь небедный человек, как он, представляет левых. «Да понимаешь, – откровенно ответил он, – я пару лет назад почему-то очень захотел стать депутатом. А когда подумал, как это без больших проблем сделать, понял, что от левых в нашем районе попасть в парламент легче всего. Ну и потом уж очень тогда хотел досадить тетке – мир ее праху, – такая была упертая правая католичка. Да еще все время претендовала на роль моей мамы, которая умерла при родах. Вот и досадил чертовой старухе».

На этот раз, не успев даже поздороваться, он тут же, на правах давнего приятеля, начал надо мной подшучивать:

– Старик, ну что это за шляпа, на какой помойке ты ее нашел? Вообще, что это за вид? Единственное, что я вижу вокруг тебя приличного, это твоя собака. Хочешь, я тебе обменяю этого славного рыжего пса на двух классных легавых или даже трех, у меня их целая свора. – Впрочем, радость от встречи перевесила его пижонство, и он меня обнял: – Узнаю бродягу, ничуть не изменился, вылитый Индиана Джонс.

Не знаю, насколько я напоминал Индиану Джонса, но вот Карлосу его развод с политикой пошел на пользу. Если в Лиме он даже в самой роскошной одежде казался существом изможденным, бледным и дряблым, то теперь и впрямь напоминал если не настоящего, то голливудского ковбоя: похудел, загорел, вместо безразличной физиономии прожженного политика – живые, веселые глаза.

– Отлично выглядишь, – сделал я комплимент. – Надеюсь, теперь и ты понимаешь, что от политики один вред?

– И не говори, дорогой, – согласился Карлос, – я теперь даже газеты не выписываю, только журналы по агротехнике. Ну их всех к дьяволу! Левых, правых, умеренных, депутатов, сенаторов, президентов – все врут.

Природное самодовольство в Карлосе осталось, а в остальном это был уже совсем другой человек. Вместо типичного политического цинизма и демагогии в нем появилась подлинная гордость за то конкретное дело, которым он наконец занимался. Сначала он долго возил нас от одного поля с оливами до другого, потом показал цех, где давят масло. Зная, что я во всем этом ничего не смыслю, он то и дело хватал за плечо Боба, хотя и он, конечно, в агрономии мало что понимал. Нам потребовалось немало усилий, чтобы остановить латифундиста, потому что Карлос, похоже, хотел познакомить нас с каждым своим деревом и лозой в отдельности.

Собственным вином он угощать не стал, честно признавшись, что в этом районе все вино ниже среднего.

– Это вам не чилийские или аргентинские виноградники, – с горечью заметил он.

Поэтому, добравшись до его ранчо и уютно устроившись в креслах на веранде, мы вдумчиво сели пить «Писко сауру» – лучший коктейль, который я когда-либо и где-либо пробовал.

Кстати уж и рецепт: на 50 грамм виноградной водки писко 15 грамм лимонного сока. Лучше, конечно, использовать не лимон величиной с кулак, а маленький лайм. Плюс один яичный белок и одна столовая ложка сахарной пудры. Все это надо сбить в блендере, добавить лед и на кончике ножа корицу.

А потом, как сказал Карлос, наслаждайтесь и вспоминайте перуанских богов. Первый бокал (опять же по Карлосу) за Пача Камака – это дух-отец зерновых культур, животных, птиц и человека. Второй бокал за Мама Пачу. Это мать-земля. Третий, конечно, за Виракочу – это тот, кто дает начало всему. Ну а дальше уже можно пить и за себя любимых.

Все это мы проделали с огромным удовольствием, хотя я мысленно и отметил, что наш хозяин, судя по всему, не очень разбирается в мифологии. Пача Камак и Мама Пачу – это великие божества цивилизации чиму, а Виракоча родом с озера Титикака, откуда, собственно, и начали победный путь к созданию своей империи инки. Вмешиваться и поправлять Карлоса я, конечно, не стал.

Закуской для коктейлей – а их в результате получилось немало – служил домашний, еще теплый хлеб из печи, который мы дружно макали в свежее оливковое масло. Действительно необычайно вкусно.

– Этому я научился на Сицилии, – гордо пояснил нам Карлос. – Жаль, – добавил он, – что не мог выкупить у сицилийской мафии их землю и климат, а то бы угостил отличным вином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.